

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

**ВЫЖИВЕТ
ЛИ РОССИЯ
В НЕРУССКОЙ
СМУТЕ?**

КРИЗИС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Михаил Геннадьевич Делягин
**Кризис человечества. Выживет
ли Россия в нерусской смуте?**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2553405

Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте / Делягин: АСТ, Астрель; Москва;

2010

ISBN 978-5-17-067855-6, 978-5-271-28567-7

Аннотация

Известный экономист первым предпринимает попытку обобщить актуальные проблемы кризиса, переживаемого человечеством, и выработать «правила поведения» России, которые позволят ей вновь занять достойное место в мире.

В приложении приводится стенограмма обсуждения доклада М. Г. Делягина Московскому клубу.

Содержание

Предисловие	4
Введение	7
Глава 1	9
1.1. Слишком много «умников» и информации	10
1.2. Логика теряет значение	11
1.3. Воспитание – ничто, способности – все?	13
1.4. От «человека разумного» к «человеку трущобному»	15
Пример 1 «Контрреволюция элит» вслед за «восстанием масс»	17
1.5. Распад социальной ткани	18
Глава 2	20
2.1. Знание обесценивается	21
2.2. Менеджер меняет шкуру	25
Пример 2	27
Пример 3	28
2.3. Конец демократии?	29
2.3.1. Внешнее управление: еще одна дорога, вымощенная благими намерениями	29
2.3.2. «Мировая закулиса»: откуда и куда растут ноги	30
Пример 4	31
2.3.3. Новые технологии войн: кровь в темноте	33
Пример 5	33
2.3.4. Техногенные контуры пост демократии: «Железная пята»?	35
Глава 3	37
3.1. Глобальный кризис перепроизводства: полтора десятилетия, выигранные у небытия для спекуляций	38
Пример 6	39
Пример 7	41
Пример 8	43
Пример 9	45
3.2. Закон сохранения рисков: развод с человечеством	47
Пример 10	49
3.3. Глобальные монополии и демократия: конец технологического прогресса	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Михаил Делягин

Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте

Ларисе Лебедовской и Кириллу Солониному, в гостеприимном доме которых была написана основная часть этой книги

Предисловие

Мир разбегается; добро бы еще из-под рук – из-под мозгов.

Происходящие изменения настолько быстры и неожиданны, что все силы уходят на их осмысление по отдельности.

На осознание их в комплексе не остается возможности ни у кого, – а это значит, что победителем в мировой гонке станет тот, кто первым сможет посмотреть на мир в целом.

Взглянуть как бы со стороны и ответить на вопрос: «Так что, черт возьми, у нас здесь происходит?»

Частичные ответы, касающиеся фондового рынка, проблем потребления или ремонта подержанных телефонов, больше никому не нужны. По степени адекватности они напоминают счет ангелов на острие иглы в окопах Второй мировой.

Нужен целостный взгляд и рождаемые им целостные ответы, потому что домохозяйки, президенты и банкиры спрашивают об одном и том же.

И они оказываются равны между собой по крайней мере в одном: им некому ответить.

А тех, кто не сможет найти ответа на главные вопросы времени, разорвет – процессы общественного развития разрушат их целостность, и комфорт не поможет: придется, как Алисе в стране чудес, устраивать видеоконференции с собственными ногами.

Но что я о результатах? – не только результаты, не только обобщение нынешних разнородных процессов, нет – даже по отдельности многие из самих этих процессов остаются скрытыми, непонятными и в самом лучшем случае просто непонятыми.

Мои друзья и враги, сидящие на разных континентах и в соседних квартирах, разделенные своими ценностями надежнее, чем колючей проволокой лагерей и границ, как и все мы, видят лишь эти отдельные процессы, хотя участвуют в едином процессе перехода человечества в новое качество.

А ведь их мало понять по отдельности – чтобы выжить в глобальной конкуренции (а для этого надо победить в ней, меньшего не хватит), надо обобщить их.

Данная книга не претендует на полное обобщение происходящего.

Она не дает окончательных ответов. Ее цель – описать и сопоставить хотя бы основные ключевые изменения современного человечества. На этой основе можно выявить ближайшую, неизбежно временную «точку равновесия», в которой стабилизируется человечество, и на основе понимания траектории движения к ней выработать «правила поведения» России, минимизирующие ее затраты при объективно обусловленном движении и позволяющие «выжать» из него все, что можно.

К настоящему времени человечество вошло в целый ряд разноуровневых и, возможно, разнонаправленных трансформаций. Их суть заключается **в приспособлении внутреннего устройства человечества к новым, информационным технологиям**, в ходе которого меняются все без исключения общественные установки и институты (от семьи до межго-

сударственной конкуренции), соответствующие прежнему, индустриальному технологическому базису.

Не только последствия, но зачастую и направления этих трансформаций остаются неизвестными для основной части не только населения, но и управляющих систем.

Наиболее важным представляется то, что **распространение компьютеров**, делающих сложные логические построения общедоступными, качественно **снижает социальное и конкурентное значение логики**.

Соответственно, происходит **повышение роли творческого, образного мышления**. Поскольку это мышление в целом более характерно для женщин, вероятным следствием станет рост их влияния на принятие как общественно значимых, так и массовых решений и, соответственно, повышение социального статуса.

В то же время сложность воспитания наиболее важных, творческих способностей **биологизирует социальную конкуренцию: успех** в ней в значительно большей степени **становится связан с наличием или отсутствием врожденных способностей к творчеству**.

Информационные технологии в силу своей сверхпроизводительности (по сравнению с индустриальными) **нуждаются в значительной части населения исключительно как в ресурсе сбыта, но не производства**. Результат их распространения – процессы десоциализации, то есть **ликвидации «среднего класса»** путем его люмпенизации, раздробления и превращения в разрозненные сообщества, функционирующие по биологическим, а не социальным законам. Это **разрушает как экономическую основу современной цивилизации** (так как люмпенизированный «средний класс» существенно сократит свой спрос), **так и ее политический стержень – демократию**. Ведь непонятно, кому будут служить демократические институты при уходе из-под их ног самой почвы демократии – «среднего класса». С другой стороны, неясны и будущие способы удержания в подчинении его люмпенизовавшихся представителей.

Эти же технологии стимулируют **рост внутреннего разнообразия** и, соответственно, **дезинтеграцию обществ, особенно мультикультурных**.

Информационная революция, рост значения творческого труда и распространение технологий формирования сознания сделали несоответствующими новой реальности, а значит, неадекватными и неэффективными традиционные принципы системы управления. Тем самым перестал соответствовать объективным потребностям современного человечества весь оформленный еще Вестфальским миром способ его организации, в том числе и демократия в ее традиционном западном понимании.

Благодаря качественному упрощению коммуникаций с началом глобализации сформировался и, что не менее важно, полностью осознал себя **глобальный господствующий класс – интернациональная олигархия**, или «новые кочевники».

Этот класс развил понятие индивидуальной и групповой свободы до исторического предела, переходящего в несовместимый с сохранением человечества абсурд. В частности, он не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе и не имеет никаких внешних для себя обязательств. В результате освобождения, эмансипации от остального человечества этот господствующий класс враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им. Он с неслышимой принципиальностью противостоит и любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся (и уже этим обособляющейся от его контроля) общности как таковой.

Нараставшая на протяжении всей второй половины XX века **интеграция** вновь, как и в начале этого века, **превысила управляющие возможности человечества, что делает неизбежным «шаг назад» – регионализацию**.

В политике она выразится в биполярной системе, основанной на противостоянии США и Китая с Евросоюзом, Японией, Индией и, возможно, Россией в качестве совокупного балансира.

В экономике процессы регионализации вызовут переход от финансовой системы, основанной на долларе как мировой резервной валюте, к системе конкурирующих валютных зон, каждая из которых будет иметь свою резервную и расчетную валюту (доллар, евро, юань и, возможно, какие-то еще).

Однако регионализация может быть лишь промежуточным этапом трансформации человечества. Ведь фундаментальная причина развертывающейся сейчас глобальной экономической депрессии намного глубже кризиса управления интеграцией, который порождает регионализацию. Причина глобальной депрессии – загнивание глобальных монополий в результате их победы над сдерживавшей и тем самым поддерживавшей их (в рамках диалектического единства и борьбы противоположностей) силой в лице Советского Союза.

Выход из этой депрессии требует преодоления глобального монополизма. Поскольку источник внешней конкуренции для глобального рынка принципиально отсутствует, **единственный выход – смена технологического базиса.**

Однако необходимый для этого технологический рывок заблокирован не только сознательным и бессознательным сопротивлением глобальных монополий, для которых он будет означать уничтожение в их современном виде.

Не менее важным фактором сохранения глобального монополизма служит резкое ослабление, почти исчезновение внеэкономических мотиваций (идеологий) управляющих систем, которое блокировало принципиально внеэкономический процесс создания качественно новых технологических принципов, то есть остановило технологический прогресс. *То, что мы сейчас принимаем за него, – совершенно иное явление: не создание новых технологических принципов, но коммерциализация таких принципов, наработанных еще во время «холодной войны».*

Блокирование технического прогресса сохраняет глобальные монополии, разложение которых уродует развитие всего современного человечества.

Прежде всего, оно создает **угрозу формирования** под давлением разлагающегося глобального монополизма **депрессивных форм организации** человеческих обществ и **человечества** в целом. Окаменение же глобального монополизма, его борьба за самосохранение, какое-то время неминуемо успешная, чревато чрезмерной болезненностью и, возможно, даже **катастрофичностью его разрушения** (когда придет время) под влиянием распространения новых технологий.

На этом фоне **растут системные риски человечества** в целом (ухудшение генофонда, выход на все большие природные ограничения), что в принципе делает возможным его деструкцию, значимую примитивизацию его внутренней организации, то есть десоциализацию уже на планетарном уровне, а не только в рамках отдельных обществ.

Введение

Бег во все стороны

При всей своей эффектности глобальный **финансовый кризис** – лишь **внешнее проявление** значительно более глубокого и масштабного, практически **всеобъемлющего изменения человечества**. *Ближайшая аналогия – относительно незначительные высыпания на коже, которые могут быть признаком глубочайших внутренних изменений организма.*

Это изменение вызвано формированием нового технологического базиса: индустриальные технологии надстраиваются и преобразуются информационными. В результате все общественные отношения, адекватные старому технологическому базису, начинают трансформацию, приспособляясь к новому технологическому базису. Сегодня он выглядит опирающимся на информационные технологии, и мы будем использовать именно этот термин, – однако нет уверенности, что его принципиальная трансформация закончилась и что информационные технологии не являются предвестником еще невидимого нам нового технологического уклада.

Человечество начало глобальный переход к качественно новому состоянию, к принципиально иной организации самого человеческого общества, чем та, к которой мы привыкли и с которой традиционно отождествляем себя.

Масштабность этого перехода трудно переоценить: изменению подвергаются буквально все стороны нашей жизни.

И поскольку мы склонны воспринимать их по отдельности, обособленно друг от друга, этот глобальный, всеобъемлющий переход является для нас всего лишь волной разнообразных и крайне слабо (либо вовсе не) связанных друг с другом кризисов.

Между тем глубокая взаимосвязь различных «отраслевых» кризисов представляется очевидной. Нежелание обнажить и исследовать эту взаимосвязь вызвано не только все еще отраслевым характером знания, жестко противодействующим тем самым комплексному подходу. Главная **причина интеллектуальной беспомощности – страх обнаружить, что кризисы носят более глубокий характер и требуют от нас больших изменений, чем те, которые мы готовы признать**. *Стремясь к самосохранению, обыденное сознание (в том числе массовое) инстинктивно преуменьшает масштабы изменений, фокусируясь на относительно немногом неизменном.*

Мы не столько «не видим за деревьями леса», сколько боимся его увидеть – потому что подозреваем: он будет опасным и потребует жертв, о которых мы не хотим и думать. В любом случае он будет новым – и уже поэтому неудобным. А это пугает сознание, отравленное привычкой к комфорту.

Эта естественная человеческая слабость обесмысливает всю антикризисную политику. В самом деле: **не желая думать о направлении перехода человечества** (и, кстати, не желая признавать даже сам факт этого перехода), **управляющие системы подчиняют все свои усилия заведомо обреченным на неудачу попыткам вернуться в прошлое**, войти второй раз в привычную, удобную и хорошо изученную реку.

В результате в самом лучшем случае объективно обусловленные изменения удастся лишь слегка притормозить. Обычно же настойчивые и неадекватные попытки вернуться в благословенное прошлое усугубляют разрушительность стихийно протекающего перехода.

Развитая часть человечества, уверовав в неизменность роста своего благосостояния (хотя этого роста для большинства населения развитых стран уже давно не наблюдается), категорически не хочет даже признавать главной задачи современной цивилизации, постав-

ленной перед ней всем объективным ходом ее развития. Эта задача, насколько можно судить сего – дня, состоит в:

1. Определении направления комплексного перехода, в котором находится человечество.

2. Выявлении хотя бы основных характеристик следующей «зоны стабильности».

3. Соотнесения всех совершаемых сознательно действий с задачей наиболее быстрого и безболезненного достижения этой «зоны стабильности» (а при возможности – и ее гуманистической трансформации). Это самовлюбленное нежелание развитых стран мира, и даже США и Китая, считаться с объективным характером собственного развития дает России **нежданное конкурентное преимущество**.

Ведь, **даже только приступив к решению этой задачи, она**, в каком бы плачевном состоянии ни находилось бы ее внутреннее устройство, без каких бы то ни было дополнительных усилий, объективно **станет интеллектуальным лидером всего современного человечества**. Соответственно, она сможет заняться наиболее выгодным бизнесом: насаждением наиболее соответствующих собственным интересам норм и стандартов поведения как на макро-, так и на микроуровне. *(Не стоит забывать, что после краха коммунистической идеологии этот бизнес был глобальной монополией США, во многом обусловившей их могущество и благосостояние.)*

Данная работа представляет собой попытку начать этот интеллектуальный процесс, описав в традиционном понимании – в виде отдельных, лишь отчасти связанных между собой, кризисов – основные направления перехода со – временного человечества.

Следующие задачи, остающиеся за рамками настоящей книги, заключаются в анализе взаимодействия описанных кризисов и затем в изучении взаимодействия их возможных результатов, которое и создаст будущую «зону стабильности».

Существенно, что, поскольку мы находимся лишь в самом начале этого пути, мы можем выделить лишь некоторые его направления. Они проявляются первыми и сегодня кажутся нам ключевыми, возможно, лишь в силу своей очевидности, наглядности, а порой и болезненности. Нет никакой гарантии того, что через некоторое время, по мере прояснения общей картины, они не окажутся второстепенными или даже вовсе случайными, не имеющими отношения к разворачивающимся фундаментальным процессам: к этому надо быть готовым не только исследователям глобального перехода человечества, но и читателям настоящей работы.

Глава 1

Информационная революция ломает системы управления

Структура и в целом способ организации человеческого общества определяется системой его управления. *На двух максимально отстоящих друг от друга уровнях – с одной стороны, семей и местных сообществ, а с другой, всего человечества в целом – оно принимает характер самоуправления.*

Между тем системы управления человечества в их современном, привычном нам состоянии оказываются все менее дееспособными. На наших глазах и с нашим невольным участием ее неотвратимо разрушает и трансформирует технологический прогресс, наиболее концентрированным выражением которого сегодня все еще выступает информационная революция.

1.1. Слишком много «умников» и информации

Информационный взрыв, связанный с распространением персональных компьютеров и объединением их в Интернет, уже второй раз в документированной части истории человечества – после изобретения книгопечатания Гутенбергом – **качественно и в сжатые сроки увеличил объем и скорость увеличения имеющейся информации.**

Это имело естественные социальные последствия: **качественно же увеличилось и количество людей, самостоятельно задумывающихся на абстрактные**, то есть не имеющие отношения к текущим нуждам практического выживания, **темы.** *Существенно, что знания этих самостоятельно мыслящих людей, естественно, ограничены. В результате при анализе не связанных с их повседневным опытом проблем они, как правило, приходят к ошибочным выводам, – которые тем не менее дороги их сердцу, как дорого нам все, являющееся продуктом наших непосредственных усилий. Поэтому устаревшая и стремительно отрывающаяся от жизни система управления уже не в состоянии переубедить этих «новых мыслителей» в ошибочности их рассуждений, в том числе и в критически важных с точки зрения развития общества вопросах. Это является одним из неотъемлемых, а с практической точки зрения – и наиболее серьезных проявлений ее кризиса.*

Как и во времена распространения книгопечатания, сложившиеся в прошлой реальности системы управления (включая официальную науку, выродившуюся из поиска новых истин в подтверждение нюансов истин старых) не могут переработать такой объем информации и «переварить» такую массу относительно самостоятельно мыслящих людей. В результате **они начинают «сбоить», вызывая общественные катаклизмы**, в горнилах которых и выковывается новая система организации человеческого общества. *В прошлый раз это были Реформация и чудовищные религиозные войны (стоит напомнить, что в ходе Тридцатилетней войны население Германии сократилось вчетверо), увенчавшиеся Вестфальским миром, выработавшим современный тип государства.*

Как будут развиваться текущие события, пока не ясно – ясно лишь, что основные предпосылки для переформатирования человеческого общества в основном уже сложились.

1.2. Логика теряет значение

Повсеместное применение компьютеров качественно повышает значимость творческого труда, связанного с внелогическим мышлением, основанным не на последовательных логических умозаключениях, а на озарениях, на мышлении не последовательно вытекающими один из другого тезисами, но отдельными образами.

Причина проста: компьютер предельно формализует логическое мышление и доводит его до совершенства, объективно недоступного обычному человеку, – примерно так же, как калькулятор доводит до совершенства использование непростых, в общем, арифметических правил. *Поколение нынешних сорокалетних еще застало время, когда учителя в школах категорически запрещали использование калькуляторов, чтобы школьники сами научились умножать и делить «в столбик». Однако сегодня это умение практически не востребовано: арифметические функции значительно лучше и надежнее человека выполняет калькулятор, а человеку остается лишь правильно сформулировать задачу.*

Таким образом, калькулятор убил арифметику как предмет изучения и поле для конкуренции. Точно так же компьютер уже в обозримом будущем – скорее всего, в ближайшее десятилетие – поступит с формальной логикой.

Эпитафия изобретателю знаменитого револьвера гласит: «Господь бог создал людей, а полковник Кольт сделал их равными». **Интернет**, как когда-то револьвер Кольта, тоже практически **уравнял людей**: уже не по их физическим силам, но **по доступу к информации**. **Вскоре персональный компьютер уравнивает их и по логическим способностям, а точнее – по возможности использования логических операций.**

Это будет означать, что человек вынужден будет сконцентрировать свои усилия на принципиально недоступной компьютеру компоненте мышления, в которой сохранится «человеческая монополия», – мышлении не логическом, но творческом. Соответственно, и **конкуренция людей** в рамках тех или иных коллективов и целых обществ **будет вестись на основе преимущественно не логического, а творческого мышления.**

Это означает, что наибольшего успеха в конкуренции – как внутри обществ, так и в глобальном масштабе, – будут достигать творческие люди и коллективы, в которых доля таких людей будет максимальна, а сами они будут играть наиболее значимую роль.

И все бы ничего – согласитесь, что предыдущий абзац звучит вполне невинно и политкорректно, – если бы не общеизвестный медицинский факт: творческие люди по типу своей психологической организации, как правило, являются шизоидами.

Да, конечно, отнюдь не шизофрениками, – это совершенно разные термины для обозначения различных состояний, – но **к творческому труду максимально приспособлен, скажем так, неуравновешенный тип личности.** Это оборотная сторона медали. *И простые статистические данные о характере и жизненном пути творческих людей в самых разных сферах общественной жизни подтверждают это весьма убедительно.*

А вот теперь напомним, что ночной кошмар любого управленца: трудовой коллектив (если вообще не стая) шизоидов – станет в условиях отнюдь не далекого будущего объективным требованием повышения эффективности и конкурентоспособности!

Понятно, что сегодняшние системы управления, сформировавшиеся в прошлой реальности, определявшейся не информационными, но индустриальными технологиями, в принципе не соответствуют этим условиям. Мы можем утешать себя тем, что «потребность рождает функцию» и, соответственно, **управляющие системы приспособятся к новым требованиям, кардинальным образом изменившись** (правда, вопросы цены, длительности и разрушительности этого изменения остаются открытыми).

Однако, поскольку именно система управления непосредственно задает принципы организации человеческого общества и саму его структуру, принципиальное изменение ее характера будет означать и **принципиальное изменение самого общественного устройства, – а значит, и всей нашей жизни.**

* * *

Со спекулятивной точки зрения представляется безусловно интересным гендерный аспект рассмотренного процесса: наличие двух выраженных типов мышления – мужского, ориентирующегося в основном на формальную логику, и женского, оперирующего преимущественно образами (это различие, в частности, выражается афоризмом «**мужчина узнает, женщина знает**»).

Качественное повышение роли творческого, образного мышления автоматически повысит и социальную роль женщины, – возможно, вплоть до завершения длительного периода мужского доминирования и возникновения «второго матриархата».

1.3. Воспитание – ничто, способности – все?

Способности к творчеству в значительно большей степени, чем традиционно значимые для конкуренции внутри человеческого общества способности к обучению и формальной логике, определяются врожденными, а не приобретенными свойствами личности.

Их тоже можно развить, но в существенно меньшей степени, чем логические способности и способность оперировать теми или иными фактами. Роль генетического фактора в способности к творчеству значительно выше социального.

Это означает, что конкуренция людей между собой и **социальный статус** каждого из них **в значительно большей, чем раньше, степени будет определяться врожденными, не поддающимися сознательной коррекции факторами.**

Качественное снижение значения социальных факторов при росте значения факторов сугубо биологических для такого «общественного животного», каким является человек, означает принципиальное изменение самого его облика.

Противоречие между личными способностями отдельного человека и его принадлежностью от рождения к той или иной социальной страте будет качественно усилено и приобретет трудно представимую сегодня остроту.

Понятно, что все силы общества будут брошены на пробуждение в детях творческих способностей, – и на этом пути будут достигнуты, вероятно, фантастические, непредставимые для нас сегодня успехи. Однако человечество вряд ли научится развивать творческие способности так же хорошо, как оно научилось развивать логические, хотя бы потому, что скорость социальных изменений оставит ему очень мало времени. Как только логика станет общедоступной и конкуренция сконцентрируется в поле творческих способностей – **социальная конкуренция, социальный отбор будут вестись на базе биологических по своей сути параметров.**

Стихийность творчества и реализации творческих способностей означает, что отдельный человек в значительно меньшей степени, чем сегодня, будет «творцом своей судьбы».

Произойдет «биологизация» человеческого общества; врожденная способность (или неспособность) к творчеству будет определять социальный статус молодого человека значительно сильнее образа жизни (в основном, конечно, богатства или бедности) его родителей.

Профессиональная специализация людей (и тем более их социальный статус) значительно сильнее, чем сейчас, будет определяться сугубо биологическими факторами, которые мы сегодня в силу неумения их разделить обобщенно именуем «способностью к творчеству». Человеческое общество начнет напоминать муравейник или другой коллектив насекомых, где место каждого во многом определено от рождения, а **значение собственной свободной воли значительно меньше, чем мы привыкли считать достойным для себя.**

Открытым вопросом представляется соотношение биологического и социального в социальной конкуренции. Очевидно, что более успешные и более обеспеченные люди, сформировавшие элиту (и особенно – новую, уже творческую элиту, которой предстоит разрушить и преобразовать сегодняшние системы управления), будут защищать высокий социальный статус своих детей вне зависимости от их творческих способностей. В этом им помогут биотехнологии, повышающие способности человека (и продолжительность его активной жизни), недоступные для социальных низов из-за высокой стоимости и «культурного барьера». *(Значимость последнего нельзя недооценивать: для заботы о своей жизни и жизни своих детей необходимо осознание ее ценности, а элиты обычно стремятся к ограничению самосознания управляемых как для поддержания своего лидерства, не говоря уже о власти, так и для упрощения процесса управления.)*

Если технологии будущего *high-kime'a*¹ так же надежно и массово, как сейчас они пробуждают логические способности, социальная система будет неустойчивой из-за неизбежной деградации творческого (то есть наиболее значимого) потенциала элит. **не смогут пробуждать творческие способности**

Изъятие из социальных низов творческих людей и принятие их в элиты (по принципу современных США) не решит проблему, так как наиболее значимые позиции все равно неминуемо будут заняты деградирующими представителями «старой» элиты. Творческие же люди, рекрутируемые «из низов», будут оставаться не более чем высокооплачиваемым обслуживающим персоналом, что достаточно быстро превратит их в контрэлиту, которая в борьбе за власть сможет опереться на массы, из которых ее представители недавно вышли (возможно, проявлением этой тенденции является Барак Обама).

Если же биотехнологии смогут пробуждать в людях творческие способности в нужных системе управления масштабах, **они будут применяться в первую очередь к детям элиты**, которая освободится от всякой зависимости от основной части общества и «закуклится». Ее задачей будет поддержание жизнеспособности лишь небольшой части общества, нужной для его жизнеобеспечения (*в этом принципиальное отличие информационных технологий от индустриальных, которое будет рассмотрено ниже*). Остальная масса людей будет биологизироваться, теряя человеческий облик, по образцам, наблюдаемым в трущобах мегаполисов Африки и Латинской Америки, превращаясь из «человека разумного» в «человека фавел», жизнь сообществ которого описывается не столько социальными, сколько биологическими характеристиками.

В результате произойдет практическая реализация многочисленных антиутопий прошлого (вроде «Железной пяты» Дж. Лондона). **Человечество разделится на расы господ, обслуживающего персонала и утилизируемого избыточного человеческого материала** (*опыт этого, помимо отдельных несистемных выплесков вроде режима Пол Пота, поставлен на территориях Африки, Латинской Америки, а совсем недавно – бывшего Советского Союза, в первую очередь в России*). Однако по социальным причинам такая система вряд ли сможет просуществовать достаточно долго: **вторичная социализация «человека фавел»** выйдет из-под контроля расы господ и, скорее всего, уничтожит ее.

Единство человечества при этом будет восстановлено, как и при всяком нашествии варваров, **ценой утраты производственных и социальных технологий, а также резким снижением уровня гуманизации общества.**

¹ современные эффективные технологии, направленные на преобразование человека, как его сознания, так и его тела. Наиболее традиционные сферы практического применения – управление, педагогика и здравоохранение. Термин введен по аналогии с high-tech'ом, под которым понимаются современные эффективные технологии, направленные на преобразование окружающей природы.

1.4. От «человека разумного» к «человеку трущобному»

Принципиально важное в социальном плане отличие информационных технологий от предшествующих им индустриальных – их качественно более высокая производительность.

Индустриальные технологии в силу своей относительно невысокой производительности нуждаются в максимальном вовлечении в стандартизированное производство максимального количества людей: всех членов рассматриваемого общества и даже членов зависимых обществ. Тем самым они являются **объективным инструментом социализации.**

Да, эта социализация насильственна и принудительна, относительно примитивна, основана на унификации личностей, нивелировании их отличий и потому объективно способствует возникновению массового общества, а то и тоталитаризма.

Однако это – исторически приемлемая цена за формирование относительно благополучного «среднего класса», за «благосостояние для почти всех», за «общество двух третей». Для индустриальных технологий каждый человек – ценнейший ресурс производства, ключевой источник прибыли, и потому его надо включить в этот процесс, выучив его, усмирив его животные инстинкты и дав ему комфортную систему мотиваций (*из которой, собственно, и вырастает общество массового потребления*).

Совершенно иную социальную среду в силу качественно большей эффективности и сложности порождают **информационные технологии.** Для их функционирования **нужна элита, обеспечивающая управление, научные исследования и культурную среду, а также относительно небольшое количество людей, непосредственно обеспечивающих функционирование систем жизнеобеспечения** (*в широком смысле слова, включая механизированные производства*).

Все остальные – добрые три четверти населения (*понятно, что их доля зависит как от уровня технологического развития общества, так и от национальной культуры*) – **оказываются лишними** в прямом смысле этого слова. Они не производят прибыли, и их существование является для производства (особенно работающего на экспорт, доля которого стремительно растет) чистыми издержками, непроизводительными и потому не имеющими оправдания затратами. Соответственно, **эффективное с коммерческой точки зрения развитие общества объективно требует их эффективной же утилизации** – если и не физической, то хотя бы социальной, снижающей до возможного минимума затраты на поддержание их биологического существования.

Это «социальное людоедство» – объективное требование нового технологического базиса: информационных технологий, неуклонно вытесняющих индустриальные.

Результат – размывание, то есть обнищание и люмпенизация «среднего класса». Его члены деградируют до полной десоциализации и превращения в живых объектов, живущих в соответствии с биологическими, а не социальными законами. Мы видим разные стадии и формы этого чудовищного процесса на постсоветском пространстве, в Восточной Европе, в Латинской Америке и Африке, а в последнее десятилетие присутствуем при погружении в него США и, в меньшей степени, «старой» Европы.

Наиболее яркий из близких к нам примеров – подлинный погром «среднего класса» после уничтожения Советского Союза. По данным ЮНЕСКО, численность людей с доходами ниже прожиточного минимума в Восточной Европе (включающей Европейскую часть бывшего СССР) выросла с 14 млн чел. в 1989 до 168 млн чел. в 1996 году – в 12 раз за 7 лет!

В Латинской Америке за 80-е годы 92 % бывшего «среднего класса» опустились на социальное дно, а 8 % вошли в круг богатых людей.

Долгосрочные перспективы и динамика этого процесса непонятны, однако нет сомнений, что переживаемый нами сейчас глобальный финансовый кризис станет, помимо прочего, могильщиком традиционного «среднего класса» индустриальных обществ.

Пример 1 «Контрреволюция элит» вслед за «восстанием масс»

Национально-освободительные революции XX века (включая Великую Октябрьскую) были проявлениями шедшей в масштабах всего человечества «революции масс», то есть их превращения в значимую политическую силу, сознающую и реализующую свои интересы. **«Революция масс» – политическое следствие формирования конвейерного индустриального производства в глобальном масштабе.** В социальной сфере она создала массовый «средний класс» и «общество всеобщего благосостояния», причем капитализм с социализмом были диалектически разделенным, но единым инструментом решения этой задачи.

Либералистическая революция, начатая Тэтчер и Рейганом, стала проявлением «контрреволюции элит», возвращающих массы в полностью подчиненное и неосознанное положение. Подобно тому, как «революция масс» стала политическим следствием глобального распространения индустриальных технологий, «контрреволюция элит» **была** не только прямой реакцией на нее традиционно господствующих классов, но и **политическим следствием распространения информационных технологий.**

В социальной сфере «контрреволюция элит» означает прогрессирующую десоциализацию, границы и сдерживающие факторы которой пока не понятны. Однако суть этого процесса – не только политическое, но и социальное, а в ряде случаев и физическое уничтожение прежних «масс». Воспринимаемые элитами в качестве своего непримиримого противника, в логике этих элит массы подлежат уничтожению, если и не физическому, то социальному, – путем превращения из «масс» в принципиально неспособное не только к революции, но даже к простому осознанию своих интересов «быдло».

1.5. Распад социальной ткани

Индустриальные технологии объективно требуют максимальной стандартизации всех факторов производства, включая рабочую силу.

В их рамках главная производственная ценность человека заключается в его стандартных навыках, позволяющих с минимальной адаптацией использовать его на самых разных, опять-таки стандартных производствах. Профессиональные навыки, столь же одинаковые, как и типоразмеры изделий, способствуют выработке и господству унифицированной, усредненной культуры – и, соответственно, единству общества.

Это касается всех без исключения особенностей, включая национальные. Крупная промышленность переваривала работников разных национальностей, стирая в своих цехах их культурные различия и переплавляя их в единую общность, не национальную, но классовую по своей природе. Идеология интернационализма отражала этот процесс и, выражая потребность производства в стирании национальных различий, мешающих созданию стандартизированной рабочей силы, была прогрессивной для индустриальной эпохи.

Возникновение и распространение постиндустриального, информационного технологического базиса кардинально меняет ситуацию на наших глазах.

Наиболее востребованными становятся (хотя в целом еще не стали) не стандартные навыки механической работы, но творческие способности. Главное условие успеха – не общие черты, обеспечивающие выполнение стандартной работы, но именно отличия.

Да, способность «выделиться из общей массы» давала конкурентные преимущества и раньше, – но в индустриальных условиях спрос на индивидуальность, ее рыночная ниша был невелика. Преуспеть, то есть найти спрос на себя, могли лишь немногие выделившиеся из общей массы, а для остальных просто не оставалось места. Господствующие индустриальные технологии обрекали их либо на отторжение и люмпенизацию, либо на возвращение в ряды стандартизированной рабочей силы.

Постиндустриальные, информационные технологии качественно расширили потребность в отличиях и превратили особенность не только в главное, но и в общедоступное, встречающее массовый спрос конкурентное преимущество.

Во многом этому способствовало упрощение коммуникаций, позволившее ориентироваться на почти сколь угодно маргинальный спрос, так как потребителей на значительную часть товаров можно выискивать в масштабах всей платежеспособной части человечества. То, что почти любой товар может теперь найти спрос, усиливает рыночное влияние производителей (так как производимое ими «и так возьмут») и способствует превращению рынков в «рынки продавцов». Понятно, что ведет к «загниванию» производителей, освобождающихся от давления требовательной части покупателей.

Принципиально важно, что это касается рабочей силы (и ее обладателей) так же, как и остальных товаров (и их производителей).

Если в индустриальном производстве ее конкурентоспособность достигалась за счет стирания отличий, в том числе и национальных, то теперь, **в постиндустриальных производствах интересы той же самой конкурентоспособности требуют противоположного: культивирования этих отличий, разнообразных особенностей носителей рабочей силы.**

Эта потребность разрушает общества в их традиционном понимании, в первую очередь мультинациональные, так как потребность в отличиях находит прежде всего этнокультурное выражение.

Непонятно, как сохранять (и можно ли вообще сохранить) целостность традиционных обществ в условиях объективно провоцируемого информационными технологиями роста сепаратизма всех видов. *Понятно, что это касается не только национального и религиоз-*

ного, но и культурного сепаратизма, а также разрушительного для обществ навязывания им (обычно под маской политкорректности) приоритета интересов любых меньшинств как таковых, вплоть до сексуальных.

Глава 2

Технологии формирования сознания: незамеченная суть глобализации

Принципиально важно, что в ходе глобализации возник по-настоящему уникальный феномен, который не проявлялся никогда раньше, за всю наблюдаемую историю человечества.

Те же самые технологии, которые максимально упростили все виды человеческой коммуникации (что, собственно, и лежит в основе феномена глобализации), обеспечили **превращение в наиболее выгодный из общедоступных видов бизнеса формирование человеческого сознания**. «Общедоступный» и одновременно «наиболее выгодный» означает массовый и, строго говоря, основной вид деятельности если и не всего человечества, то, по крайней мере, его развитой и успешно развивающейся частей.

Это качественное изменение, как правило, упускается из виду теоретиками глобализации, хотя даже сами термины «глобализация» и «виртуальная реальность» символически вошли в научный оборот в один и тот же, 1983, год.

Между тем превращение формирования собственного сознания (или его фрагментов) в основной вид деятельности наиболее развитой и успешной частей человечества – фундаментальное явление. На наших глазах меняется сам характер человеческого развития: **если раньше, на всем протяжении своего существования человечество выживало и развивалось за счет преобразования окружающей среды, то теперь оно впервые начинает, по крайней мере, пытаться выживать и развиваться за счет изменения самого себя**.

Да, экологи, возможно, взвоют от восторга: человечество, вероятно, ощутив приближающиеся пределы допустимого антропогенного воздействия на природную среду, начало само приспособлять себя к ней, – это еще больший триумф природоохранного подхода, чем добровольный массовый отказ от благ цивилизации.

Однако формирование человеческого сознания на всех уровнях его существования – от индивидуального до по крайней мере группового – осуществляется стихийно, хаотично и, строго говоря, случайно. И степень не просто соответствия реальности сформированного таким случайным образом сознания, то есть степень его адекватности, но даже степень его простой устойчивости, строго говоря, неизвестна.

2.1. Знание обесценивается

Массовое и хаотичное формирование сознания как основной вид деятельности человечества ведет к утрате или, по крайней мере, к существенному ограничению способности человечества к познанию. Ведь главным объектом хаотического и случайного воздействия становится, строго говоря, непосредственный инструмент этого познания. Это ставит серьезный вопрос о самих перспективах существования человечества, так как его главная особенность – разумность – впервые перестает быть безусловной.

Можно, конечно, представить себе, что функции познания и сознательного реагирования поднимаются на более высокий уровень, чем индивидуальное или групповое сознание, – сознание крупных коллективов и даже народов, граничащее с введенным Вернадским понятием «ноосферы». Отдельный человек теоретически может быть элементом мыслительного контура такого коллективного сознания и в то же время совершенно не замечать и не воспринимать его. Собственное сознательное значение отдельного человека для всего человечества в рамках такой гипотезы может быть ограничено генерированием эмоций – функция, к выполнению которой человек наиболее приспособлен по своим психофизиологическим характеристикам и которая, возможно, является его подлинной миссией с точки зрения всего мироздания.

Однако эта гипотеза не просто слишком смела, но и принципиально недоказуема.

Между тем вполне доказуемым и, более того, повсеместно наблюдаемым следствием стремительного и повсеместного распространения технологий формирования сознания является **драматическое снижение социальной значимости знания.**

На протяжении последних веков – как минимум с начала эпохи Просвещения – овладение знаниями, получение новой информации об окружающем мире было если не непременным условием, то, во всяком случае, одним из ключевых и наиболее надежных способов повышения социального статуса.

Поразительно, но мы, похоже, не заметили, что уже почти два десятка лет назад глобализация отменила это правило. И сегодня **возможности социального подъема людей, занимающихся именно получением и освоением новых знаний, хотя в разных обществах и различны, но даже там, где в целом высоки, все равно достаточно ограничены.**

Они не могут стать ни Сахаровыми и Ландау, с личными мнениями которых приходилось считаться генсекам, ни Беллами и Эдисонами, ставшими богатыми символами своего времени. Человеческая деятельность стала настолько специализированной, что достижение социального успеха отвлекает слишком много сил и времени и превратилось в отдельное самостоятельное занятие, уже почти не совместимое с осознанием окружающего мира.

Фундаментальная причина этого (разумеется, помимо упомянутой выше дезорганизации человеческого сознания из-за превращения его в объект массового хаотического воздействия) – резкая интенсификация коммуникаций, связанная с глобализацией: вы либо постигаете истину, либо реализуете уже постигнутое кем-то помимо вас, переводя его в материальные либо социальные ценности. Это два разных вида деятельности, и успешно совмещать их крайне сложно; немногие исключения, как обычно, лишь подчеркивают правило.

Наука как самоотверженное постижение истины **переродилась в обслуживание общественных интересов** при помощи сложнейшим образом построенных ритуалов и неформальных, но от этого не менее циничных и пренебрегающих познанием мира соглашований. Это необходимо, но это не является инструментом технологического прогресса. И несмотря на активное освоение существующих технологий, в том числе влияющих на общественные отношения (Интернет, мобильная связь), **уникальность глобализации прояви-**

лась еще и в практическом прекращении появления качественно новых технологических принципов, то есть **в остановке технологического прогресса.**

Это вызвано многими факторами, которые будут разобраны ниже, но один из них – изменение механизмов **социального успеха.** Его достижение **в условиях упрощения коммуникаций и резкого роста их масштабов требует прежде всего грамотной социальной коммуникации,** умения правильно вращаться в правильно выбранных сообществах, – **а поиск истины как таковой лишь отвлекает,** отнимает время и силы у этого ключевого занятия.

В результате происходит жесткий отбор: кто-то специализируется на постижении знаний, кто-то – на достижении социального успеха, которое не требует теперь даже простого паразитирования на добываемых кем-то знаниях. Подобная специализация слишком глубока – она отнимает у человека, являющегося по природе относительно универсальным существом, слишком много человеческого.

С другой стороны, мы видим, что знание усложнилось и специализировалось настолько, что процесс его получения и даже усвоения требует от человека слишком больших усилий, практически несовместимых с существенным повышением его социального статуса. Грубо говоря, **вы тратите время либо на успех в обществе, либо на получение новых знаний.** И на то и на другое одновременно по вполне объективным причинам более не хватает ни времени, ни сил.

Ситуация усугубляется **изменением основной функции образования,** в том числе и высшего. **В силу растущей десоциализации** (технологические причины которой описаны выше) **ею,** как в XIX веке и как в массовом образовании XX века, **становится** обеспечение покорности, **социальный контроль** за основной массой населения развитых обществ.

Даже в науке произошло четкое разделение на администраторов, управляющих ресурсами и направляющих исследования, и самих исследователей, непосредственно пытающихся получить новые знания.

В результате **знание, наука становятся социально малозначимыми, а подготовка решений,** в том числе важнейших государственных, **все больше основывается на эмоциях и предрассудках, а не на фактах.**

Буквально на наших глазах в последние пятнадцать лет наука трансформировалась из поиска истины в сложный социальный ритуал, красивый и изощренный, но вполне бесполезный с точки зрения общественного развития. *На поверхности это ярче всего проявляется в финансировании на основе грантов, требующих заранее предсказуемого результата, в угасании прорывных исследований и в раздувании разного рода «панам» (от торсионных полей до водородной энергетики).*

Во всем мире **официальная наука превратилась** в сложный административный организм, даже **в новый социальный уклад** – не менее важный для национальных самосознаний, чем социальный уклад французских крестьян в 50-70-е годы XX века, – но в большинстве случаев еще менее полезный.

При этом фундаментальная наука, будучи задушенной или вульгаризированной, больше не восстанавливается. Фундаментальная наука, задушенная Гитлером за длительность и непредсказуемость результата, так и не возродилась в (послевоенной) Германии, несмотря на титанические усилия. После физического вымирания еще уцелевших ученых (не путать с администраторами от науки) погибнет и русская наука времен СССР. И в мире останутся только фундаментальная наука США и отдельные школы, действующие в Великобритании, – маловато для продвижения человечества и вдобавок слишком легко блокируемо глобальными монополиями, далеко не всегда заинтересованными в технологическом прогрессе.

Кризис науки маскирует собой поистине чудовищный факт: **наука как таковая перестала быть главной производительной силой**. Это шокирует, но это так. Причина проста и фундаментальна: как было показано выше, с началом глобализации (*и именно это, а не смс-сообщения и порносайты сделало глобализацию вехой в истории*) человечество перенесло центр приложения своих сил с изменения мира на изменение самого себя – в первую очередь, своего собственного сознания.

Предметом труда, подлежащим изменению, все меньше становится окружающий мир и все больше – человеческое сознание. Соответственно, и **производство во все большей степени – изготовление уже не материальных предметов или как переходного этапа услуг, но создание и поддержание определенных, в той или иной степени заранее заданных состояний человеческого сознания**.

Чтобы менять мир (в том числе и социальную его составляющую), надо было его знать – и наука, обеспечивавшая это знание, была важнейшим инструментом человечества.

Но сегодня надо менять уже не весь мир, но его относительно небольшую и отнюдь не всеобъемлющую часть – самого человека. Причем на современном этапе пока еще даже не всего человека, а лишь его сознание. И соответственно, **сфера первоочередной значимости резко сжалась с науки, изучающей все сущее, до относительно узкого круга людей, изучающих человеческое сознание и методы работы с ним**.

Специфика предмета (объектом изучения является сам инструмент этого изучения – сознание человека), с одной стороны, в силу огромного числа запутанных обратных связей затрудняет научное его познание, а с другой – позволяет действовать на основе интуиции и ощущений. В результате среди работающих с человеческим сознанием слишком мало ученых и слишком много узких практиков, ограниченных своей профессиональной ориентацией на достижение конкретного результата. *При этом их способности в познании ограничены не только узко практической направленностью их деятельности, но и направленностью последней в том числе и на их собственное сознание, которое непрерывно трансформируется в соответствии с текущими управленческими и производственными процессами, но отнюдь не в соответствии с объективной истиной, лежащей, как правило, далеко за рамками этих процессов*.

В итоге повышение социального статуса личности обеспечивается уже не овладением актуальными знаниями как таковыми и даже не приращением их, а относительно простыми манипулятивными способностями, *в том числе и достаточно примитивными, известными полицейским всего мира под названием «синдром честного мошенника»*.

По сути дела, **это закрытие научно-технической революции**, в 50-е годы уже прошлого века кардинально изменившей мир, и, более того, **резкое торможение роста возможностей человечества**.

Можно предположить, что таким образом **проявляется инстинкт коллективного самосохранения**: возможности человечества по изменению мира настолько обогнали его способность осмысливать последствия своих действий, что возникла объективная потребность, как выразился по другому поводу канцлер Горчаков, «сосредоточиться».

Возможно, человечество модернизирует свои инструменты познания и через некоторое время сможет вновь вернуться к относительно осмысленному развитию.

Но это будет, как представляется сейчас, отнюдь не линейный и безболезненный процесс, и время, в течение которого он будет разворачиваться, нам еще предстоит прожить.

Новые технологии добывания и освоения знаний, как нам хочется надеяться, исправят положение в некотором не осязаемом нами будущем, – что, впрочем, отнюдь не гарантировано. Однако в настоящее время **мы погружаемся в новое средневековье, новое варварство, в котором социальный успех, а значит, и власть становятся уделом людей, последовательно (а порой и сознательно) пренебрегающих знаниями**.

Одно из практических следствий снижения социальной значимости знаний (а также технических знаний по сравнению с гуманитарными) – **рост числа и разрушительности техногенных аварий**².

Причина этого – не только утрата необходимых для эксплуатации функционирующих технологических систем знаний и специалистов, но и снижение авторитета соответствующих специалистов в глазах представителей общественного управления, что вызывает последовательное пренебрежение их мнением. *Классический пример техногенной катастрофы, вызванной вторым фактором, – наводнение в Новом Орлеане: местные власти 20 лет предупреждали руководство страны, что дамбу смоеет, но те не реагировали, пока ее действительно не смыло.*

² Автор пользуется случаем для выражения благодарности Ю.Ю. Болдыреву, впервые обратившему внимание на данный феномен.

2.2. Менеджер меняет шкуру

Современные системы управления, участвующие в глобальной конкуренции, просто вынуждены использовать в своей повседневной деятельности технологии формирования сознания – как наиболее эффективные технологии управления. Между тем **органическое несоответствие систем управления используемым ими технологиям** не просто снижает их эффективность, но и **ведет к подлинному перерождению этих систем** (что, впрочем, является лишь одним из направлений перерождения, структурной перестройки всего человечества под влиянием новых, на сей раз информационных технологий).

Используемые современным управлением технологии формирования сознания **отрывают его от повседневной реальности**, в том числе касающейся управляемых ими масс людей, и освобождают, хотя бы морально, от ответственности перед ними. При этом **личные интересы людей, непосредственно образующие управляющие системы, сохраняются в своей обособленной неприкосновенности**.

В то же время упрощение коммуникаций формирует очень близкий, практически общий образ жизни у высокопоставленных представителей управляющих систем (как государственных, так и корпоративных), действующих на глобальном, общемировом уровне. **Общность образа жизни и личных интересов** (обусловленных общим положением в похожих управляющих системах) **сплачивает этих представителей в единый глобальный класс собственников и высших управленцев** (во многом освободившихся от контроля со стороны традиционных собственников).

Разумеется, различные глобальные управляющие системы конкурируют друг с другом. Однако эта конкуренция носит второстепенный характер по сравнению с разрывом между глобальным управляющим классом и отдельными обществами, точно так же, как конкуренция между владельцами различных корпораций, пусть даже ведшаяся при помощи пулеметов, была второстепенной по сравнению с разрывом между ними и эксплуатируемыми ими массами рабочих.

Глобальный класс эпохи информационных технологий (интернациональная олигархия, или «новые кочевники») эксплуатирует не какие-либо классы и социальные слои – он **эксплуатирует отдельные общества** как таковые подобно тому, как класс собственников индустриальной эпохи эксплуатировал рабочих.

Глобальный класс **противостоит разделенным государственными границами обществам** не только в качестве владельца и управленца (нерасчлененного «хозяина» сталинской эпохи), но и в качестве глобальной, то есть **всеобъемлющей структуры**.

Этот глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе и не имеет никаких внешних для себя обязательств. **Он враждебно противостоит** не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и **любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой**.

Под влиянием формирования этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, **государственные управляющие системы, сохраняя свои прежние формы, по сути перерождаются**. Они переходят от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в его интересах, в интересах **«новых кочевников»** – глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и **не связывающих себя с тем или иным государством**. Соответственно, такое управление осуществляется в пренебрежении к интересам обычных обществ, сложившихся в рамках государств, и за счет этих интересов (а порой и за счет их прямого подавления), что выглядит как резкое снижение эффективности.

На деле же, по-видимому, происходит **повышение эффективности при кардинальной смене мотивации.**

Конкретные последствия этого с точки зрения традиционного государственного и корпоративного управления (а также самоуправления на глобальном и местном уровне) многообразны, однако наиболее значимыми представляются следующие:

самопрограммирование: управленец и система управления в целом, убеждая кого-то в чем-то (а управление при помощи формирования сознания – прежде всего убеждение), неминуемо убеждают в этом и себя – и теряют адекватность;

уверование в собственную пропаганду, даже если в начале ее осуществления управленцы и система управления в целом сознавали ее недостоверность;

переход от управления изменением реальности к управлению изменением ее восприятия;

отказ от восприятия реальности в пользу восприятия ее информационного отражения (в первую очередь в СМИ);

резкое снижение уровня ответственности: работая с телевизионной «картинкой» и представлениями, управленец неминуемо теряет понимание того, что его работа влияет и на реальную жизнь людей. Последнее особенно важно, так как **безответственность управляющих систем** не остается их исключительным достоянием»: она **в полной мере воспринимается обществом и, более того, становится в нем нормой.** *Ведь эффективность технологий формирования сознания повышает влияние тех, кто их применяет, а «платы за могущество» нет; человек, формируя сознания других, чувствует себя творцом, близким к Богу. Эйфория творчества вкупе с безответственностью обеспечивает ему невиданное удовлетворение от повседневной жизни. Безответственность, могущество и радость от работы становятся объектом подражания для обычных членов общества, не имеющих доступа к технологиям формирования сознания: им доступно лишь подражание безответственности.*

Пример 2

Избрание Обамы: «праздник непослушания»

Феерическим примером проявления безответственности как новой массовой культуры наиболее передового из современных обществ – американского – представляется избрание Обамы.

Причина его победы заключается далеко не только в изошренных и сверхэффективных избирательных технологиях, *хотя, подобно тому, как Рузвельт первым в полной мере использовал коммуникационные и пропагандистские возможности радио, а Кеннеди – телевидения, Обама (точнее, его команда) впервые использовали политические возможности Интернета и возникших в нем социальных сетей.*

Причина победы Обамы (как в нашей стране – причина победы горбачевско-яковлевской «перестройки, демократии и гласности») не сводится и к отрицанию обанкротившейся³, да и просто надоевшей старой культуры управления, слишком наглядно не соответствующей реалиям и потребностям эпохи всеобщего применения технологий формирования сознания.

Порыв американского общества к новому, к «переменам ради перемен» без каких бы то ни было внятных содержательных целей неотделим от принципиального отрицания им ответственности как таковой.

Да, американская трагедия 2008 года заключалась в том, что великий народ, сформировавшийся в прямом симбиозе с самой современной демократией, и в прямом смысле **«великое общество» было вынуждено выбирать между двумя кандидатами, равно –** хотя и по диаметрально противоположным причинам – **не способными руководить им.**

Однако и само возникновение такого выбора, и итоговое предпочтение политического шоумена, не имеющего опыта практического руководства, неотделимы от принципиального отрицания этим обществом ответственности как таковой.

Победа Обамы стала подлинным «праздником непослушания», публичным торжеством инфантильного в американском национальном характере.

Без отрицания самой идеи ответственности это было бы невозможно, и, как показано выше, данное отрицание отнюдь не являлось исторической случайностью.

Тотальное, охватывающее все общество сверху донизу снижение ответственности и даже последовательный отказ от нее не только как практики, но и как идеи, как цели и, более того, превращение отказа от ответственности в норму общественного поведения при эрозии адекватности управляющих систем – поистине гремучая смесь!

С разной степенью остроты описанные выше последствия наблюдаются почти во всех управляющих системах, включая такие страны с совершенно разными, но наиболее эффективными в современном мире системами управления, как США и Китай, – и везде ведут к драматическому падению его качества.

То, что это правило действует повсеместно и неумолимо вне зависимости даже от самых глубоких – цивилизационных различий, свидетельствует о его фундаментальном, базисном для современного этапа развития человеческой цивилизации характере.

³ Одним из ярких проявлений этого банкротства представляется приход к практически полному определению внешней политики США клана «неоконов», недовольство которыми, собственно, и стало главной причиной политического провала республиканцев. О масштабах этого недовольства весьма убедительно, например, свидетельствует вручение Обаме Нобелевской премии (причем выдвижение его на эту премию просто технически не могло состояться позже, чем через месяц после его инаугурации) «за надежду», а по сути – просто за то, что он не является Бушем или его подобием!

Пример 3

Дебилизация государственного управления

Поразительно, но для китайского руководства, насколько можно судить, оказались полной неожиданностью не только «тюльпановая революция» в Киргизии (рассматриваемой им как естественная сфера своего влияния), но и волнения буддистских монахов в Тибете в августе 2008 года, и попытка мятежа в Синцзян-Уйгурском автономном районе в 2009 году.

Кроме того, технологический рывок, вынужденно начатый Китаем по завершении Олимпиады-2008 из-за того, что при существующих технологиях ему не хватит воды, почвы и энергии, предусматривает замену технологий на менее энергоемкие, даже когда сохранение старых технологий с коммерческой точки зрения является вполне оправданным. **В силу своего нерыночного характера этот технологический рывок носит, строго говоря, непредсказуемый характер**, что было бы немыслимо в Китае еще несколько лет назад.

Сокращение внешнеторгового сальдо Китая под влиянием экономического кризиса ограничило его возможности поддержки доллара и вынудило кредитовать значительную часть внешней торговли в юанях, **создавая тем самым прообраз «зоны юаня» как минимум в Юго-Восточной Азии**. Эти процессы развиваются стихийно, под действием объективной необходимости, а не осмысленного решения (которого так и не удалось выработать в ходе многолетних дискуссий), что также свидетельствует о внутреннем кризисе китайского управления.

Еще более драматическая картина наблюдается в США – стране, еще совсем недавно возведшей искусство стратегического планирования и кризисного управления (то есть управления тем или иным процессом при помощи специально организуемых кризисов) на, казалось бы, недостижимую высоту. Еще летом 2001 года эта система демонстрировало мышление на поколение вперед. Но начиная с агрессии против Ирака в 2003 году, мы видим ее постепенную, но **неуклонную деградацию, стремительно – за 2000-е годы – выродившейся в «ситуативное реагирование»** в стиле российского МИДа с **горизонтом планирования «до следующих президентских выборов»**.

Об этом свидетельствует вся экономическая политика после начала ипотечного кризиса в июле 2006 года, подчиненная единственной цели – не напугав американское общество, оттянуть прокол «ипотечно-деривативного пузыря» и, соответственно, дестабилизацию экономики до президентских выборов 2008 года. Бесспорно, что **постановка данной цели заметно усугубила последствия кризиса, – и при этом ее все равно не удалось достигнуть!**

Скорость деградации американской системы управления производит шокирующее впечатление: как показывает опыт 11 сентября и реакция на него, не только в начале и середине, но как минимум еще и в конце 2001 года американские стратегические аналитики мыслили поколениями. А уже менее через пять лет горизонт их видения сузился до следующих президентских выборов, что в то время означало два с четвертью года!

2.3. Конец демократии?

Удивительно, как быстро летит время. Понятие демократии сохраняет всю свежесть концептуально нового энергичного при – зыва, переворачивающего, обновляющего и возрождающего старый затхлый мир и создающего на его основе качественно новую, на порядок более эффективную, чем раньше, систему управления, объединяющую национальные интересы с общечеловеческими.

А ведь **основные демократические институты** (не говоря уже о принципах) **были окончательно созданы более 200 лет назад**, в XVIII веке, и с того времени лишь улучшаются и дорабатываются, оставаясь в своей основе неизменными.

Сегодня мы видим, как упрощение коммуникаций и распространение технологий формирования сознания **размывают государство – стержень современных демократий**.

Существенно и то, что для формирования сознания общества достаточно воздействовать на его элиту – небольшую его часть, участвующую в принятии важных решений или являющуюся примером для подражания. Длительные усилия изменяют сознание элиты, и оно начинает кардинально отличаться от сознания остального общества. Элита отрывается от общества и теряет эффективность. При этом **исчезает смысл демократии, так как идеи и представления, рожденные в низах общества, перестают восприниматься элитой, и потенциал демократии съезживается до самой элиты**.

Проявления двух этих факторов разнообразны.

2.3.1. Внешнее управление: еще одна дорога, вымощенная благими намерениями

Стандартные демократические институты по самой своей природе обеспечивают власть наиболее влиятельной общественной силе. В этом их суть, в этом когда-то заключалось их историческое преимущество.

Однако в условиях глобализации, по мере упрощения и интенсификации коммуникаций, в первую очередь трансграничных, **наиболее влиятельными в слабых странах** (или просто деморализованных по тем или иным историческим причинам обществах) **все чаще оказываются внешние для них силы**. Это могут быть иные государства, глобальные корпорации, некоммерческие структуры (от спецслужб до религиозных сект) или даже случайно возникшие группы мошенников – но результат один: целые общества вполне демократически, а порой и незаметно для самих себя подпадают под внешнее управление.

Несовпадение интересов структур, осуществляющих внешнее управление, с интересами управляемого общества (а то и их прямая противоположность) – **естественная норма**.

Прежде всего, дисбаланс интересов может вызываться глобальной конкуренцией: структуры, осуществляющие внешнее управление, разумеется, стремятся подавить своих конкурентов из управляемых ими стран или, если их нет, не дать им возникнуть.

Однако не менее важной причиной дисбаланса интересов является органическое **отсутствие у осуществляющих внешнее управление структур каких бы то ни было обязательств перед населением** (а обычно и перед элитой) **управляемых ими стран**. Государства отвечают перед своими, а не чужими гражданами, корпорации – перед своими акционерами, а глобальные сети, как будет показано ниже, и вовсе лишь перед своими непосредственными членами (а иногда и вообще ни перед кем и ни за что не отвечают).

Значима и **слабость координации между структурами, осуществляющими внешнее управление**, а оно в силу слабости управляемых объектов редко монополизировано

какой-либо одной структурой. В результате ряд воздействий, каждое из которых по отдельности является безобидным или даже полезным, в своем случайно возникающем сочетании часто становится разрушительным для управляемого общества.

Классический пример – воздействие на экономически слабые страны МВФ и Мирового банка (при том, что их усилия обычно координируются, и проблема заключается лишь в недостаточной согласованности усилий). МВФ в соответствии со своими стандартными рекомендациями пытается обеспечить макроэкономическую стабилизацию мерами, в принципе исключающими развитие страны на основе собственного экономического потенциала и в итоге делающими достигнутую стабилизацию неустойчивой. Мировой банк, периодически отчаиваясь дожд – дать прочной макроэкономической стабилизации (которая, по стандартной экономической теории, служит необходимой предпосылкой помощи развитию), начинает стимулировать развитие или просто решение наиболее острых социально-экономических проблем (от эпидемий туберкулеза до разрушения инфраструктуры и отсутствия квалифицированно подготовленных законов) своими кредитами, которые в условиях макроэкономической (а значит, и политической) нестабильности разворовываются либо в лучшем случае тратятся нерационально, развивая и укрепляя если не прямо коррупцию, то неэффективное устройство государственного управления.

Именно **органической безответственностью внешнего управления** и была в первую очередь вызвана стремительная актуализация после распада Советского Союза и разрушения существовавшей в рамках биполярного противостояния системы «сдержек и противовесов» трагического феномена «упавших государств». *(Существенно, что поначалу этот аккуратный термин порой сгоряча переводился на русский язык менее политкорректным и более адекватным словосочетанием «конченые страны».)*

2.3.2. «Мировая закулиса»: откуда и куда растут ноги

Государства и глобальные корпорации как субъекты глобальной политики все больше уступают свою ведущую роль разнообразным глобальным сетям – слабо формализованным структурам, созданным в значительной степени на основе личного доверия.

Эти сети объединяют лидирующие элементы глобального бизнеса, международной преступности, государственного управления (включая спецслужбы), а также обслуживающих их науки и культуры. Весьма часто различные элементы указанных сетей базируются в различных странах.

Управляющие сети такого рода существовали почти всегда. Новостью современного этапа глобализации стало постепенное освобождение, «отвязывание» их от интересов как первоначально доминировавших в них национальных государств, так и недолгое время (полтора десятилетия между поражением Советского Союза и вторжением США и их союзников в Ирак в 2003 году) доминировавших в них коммерческих структур. **Нападение на Ирак, провальное как для национальных интересов, так и для интересов бизнеса, знаменовало пере – ориентацию глобальных управляющих сетей на реализацию преимущественно своих собственных интересов.**

Речь, таким образом, не идет о контроле глобальных сетей за относительно слабыми государствами и даже странами, осуществляемым в интересах относительно сильных государств, доминирующих в данных сетях. Управляющие сети, возникающие в относительно слабых странах, традиционно были инструментами влияния на них более сильных государств, – примерами этого полна мировая история.

По мере развития глобализации глобальные сети, по крайней мере на Западе, все больше освобождаются от контроля государств как таковых и начинают хаотически мани-

пулировать ими или их отдельными элементами в своих собственных, остающихся не оглашаемыми, а зачастую и вообще не устанавливаемыми формально интересах.

Довольно внятный пример этой парадоксальной ситуации дает самое сильное государство современного мира – США.

*Сформированные им глобальные сети, связанные с исламским миром, и в первую очередь Саудовской Аравией, все больше действуют в собственных интересах, слабо связанных с национальными интересами США. При этом данные сети достаточно эффективно манипулируют остальной частью американского государства, не говоря уже о подверженном внушению интеллектуально и эмоционально незрелом американском обществе. **Глобальные сети не могут целиком подчинить себе не объемлемую ими часть американского государства, но внутреннее столкновение интересов в нем дезорганизует госуправление и представляется важной причиной нынешних проблем США.***

Эмансипируясь, отделяясь от государств, глобальные сети больше не отвечают за последствия своей деятельности даже для стран своего «базирования», даже для государств, которыми они некогда создавались и которые они еще недавно считали «своими».

Принципиальное отличие глобальных сетей как субъекта управления от государства (и даже от глобальных корпораций, которым категорически нужна стабильность в обширных районах производства и на широких рынках сбыта) заключается в имманентном отсутствии у них всякой ответственности, в том числе перед обществом.

Любое государство поневоле объективно заинтересовано в стабильности и гражданском мире в своей стране, а сетям, рассматривающим эту страну извне, «со стороны» глобального мироустройства и представляющим собой объединение «новых кочевников», это не важно. Им нужен рост совокупного влияния и прибыли своих участников, а этих целей гораздо проще достичь не в стабильной ситуации, а в хаосе, «ловя рыбку в мутной воде».

Таким образом, создавая глобальные сети и затем упуская из своих в их руки важные полномочия в сфере общественного управления, **государства, даже исключительно сильные и эффективные, сами создают для себя субъект «внешнего управления», пренебрегающий их интересами**, как это было показано выше.

Это освобождение от ответственности не проходит даром и для самих глобальных сетей. Эмансипируясь, отдаляясь от государства, они больше не могут в полной мере использовать его возможности стратегического планирования (от анализа до корректировки реальности), что драматически снижает эффективность не только манипулируемого ими государства, но и их самих.

Пример 4

Агрессия против Ирака: стратегическое поражение США и Саудовской Аравии

Классическим примером неэффективного преследования глобальными сетями собственных целей при игнорировании интересов всех образующих их легальных элементов и полной безответственности по отношению к последним служит свержение Саддама Хусейна.

Разгром Ирака привел к достижению лишь локальной цели – поддержанию высоких цен на нефть, выгодных нефтяным корпорациям США и Саудовской Аравии (которые и были основой техасско-саудовского клана).

В то же время стратегическая задача американской части глобальной сети – обеспечение прочного контроля за иракскими недрами с возможностью их неконтролируемого и

единоличного (или, в крайнем случае, совместно с Великобританией) использования – была провалена.

Для американского государства же внешне успешная война и вовсе вылилась в катастрофу, причем далеко не только репутационную (нападение обосновывалось откровенной ложью, которая на десятилетия подорвала всякое доверие к заявлениям правительств США и Великобритании⁴). Представители глобальной сети в США были сначала дискредитированы, а затем и утратили власть, что объективно способствовало ослаблению США и подрыву всего опирающегося на их глобальное доминирование мирового порядка.

Увязнув в Ираке в военном отношении, США утратили стратегическую инициативу и, как показали эскалации напряженности в отношениях с Ираном и Северной Кореей, исчерпали возможности развязывать новые войны.

Другая часть глобальной сети – представители элиты Саудовской Аравии – получили в качестве «головной боли» резкое усиление своего ключевого соперника – Ирана, избавившегося от сдерживающего фактора в лице Хусейна. При этом административно-управленческое и интеллектуальное истощение США в результате их погружения в трясину иракской войны резко затруднило не только военный удар по Ирану, но и его стратегическое сдерживание.

Кровавый хаос в Ираке и его вероятное разделение на три равно недееспособных государства создали многочисленные дополнительные проблемы и помимо возникновения предпосылок для перехода его основной части под контроль Ирана. Достаточно указать на Турцию, получившую ужасающий ее призраком курдского государства, существующего де-факто и неизбежно подлежащего оформлению де-юре в ближайшее десятилетие. *Под влиянием этой угрозы – и это весьма существенно уже для России – турецкая элита, в начале 90-х отказавшаяся от пантюркистской экспансии ради благосостояния, может пересмотреть свой выбор.*

Но главное – произошла (в том числе и из-за свержения одного из светских режимов в исламских странах) общая радикализация ислама, что проявилось прежде всего в регионе Ближнего и Среднего Востока. Среди разнообразных следствий свержения Хусейна стоит отдельно упомянуть радикализацию палестинского движения, захват ХАМАС власти в секторе Газа и, соответственно, повышение агрессивности Израиля.

Болезненным «эхом» иракского провала США стало ухудшение военного положения НАТО в Афганистане. Стабилизация положения требует усиления группировки США и их союзников, возможного только за счет ослабления аналогичной группировки в Ираке – с опасностью выхода ситуации из-под контроля уже там: «хвост вытащил – нос завяз».

В сочетании с дестабилизацией Пакистана это грозит погружением в кровавый хаос всего Ближнего и Среднего Востока. Более того: исподволь возникает угроза обмена ядерными ударами между Израилем и Ираном, Пакистаном и Индией.

* * *

Таким образом, с управленческой точки зрения привычная для США стратегия «экспорта управляемых кризисов» выродилась в «экспорт хаоса» не сама по себе, а именно в результате перехода заметной части реальных властных полномочий к глобальным сетям.

⁴ По-видимому, чудовищная ложь относительно иракской войны стала своего рода привычкой: в 2009 году глава английской МИ-6 обвинил в развязывании войны... Россию!

2.3.3. Новые технологии войн: кровь в темноте

Глобальные монополии, лишившись сдерживающей силы после уничтожения Советского Союза, в ходе стихийной и хаотической погони за наживой **создали мировой порядок, лишаящий более половины человечества возможности нормального развития**. Зарождение и проявление новой силы, противостоящей им в глобальном масштабе и сдерживающей их саморазрушающий произвол, – вопрос не более чем времени и новых болезненных кризисов.

В рамках традиционных западных представлений принято рассматривать гражданское общество как основную силу, сдерживающую современное государство и именно за счет этого сдерживания обеспечивающую стабильность развитого общества в целом. Опираясь на также традиционные представления о том, что в современном глобализированном мире страны и группы стран занимают роль основных структурных элементов привычного нам общества (есть страны-банкиры, страны-пролетарии, страны-менеджеры и так далее), ряд экспертов⁵ выдвинул идею о **рассмотрении международного терроризма как проявления нарождающегося глобального гражданского общества**.

Как и в случае традиционного, не над-, а внуринационального общественного устройства, это глобальное гражданское общество объектив – но призвано сдерживать глобальную управляющую систему. *Во время противостояния с Советским Союзом и сразу по ее завершении в роли такой системы выступали США как персонификация коллективного Запада, однако в настоящее время происходит энергичное высвобождение описанных выше глобальных сетей из оболочки американского государства и превращение в глобальную управляющую систему уже их совокупности*. Новая глобальная управляющая система взаимодействует с нарождающимся новым глобальным гражданским обществом столь же разнообразно (а в ряде случаев – и конструктивно), что и традиционное государство – с собственным глобальным обществом.

Пример 5

Чейни и «Аль-Каида»: локальный стратегический успех

В начале апреля 2007 года вице-президент США Дик Чейни влип в очередную историю. Американский телеканал *ABC* со ссылкой на источники в американской администрации и в пакистанском правительстве сообщил о том, что **Чейни санкционировал финансовую и консультационную поддержку террористов, связанных с «Аль-Каидой», для дестабилизации внутренней ситуации в Иране**.

По данным телеканала, вице-президент США Дик Чейни лично обсуждал возможность использования боевиков связанной с «Аль-Каидой» группировки «Джандаллах» против иранских военных и чиновников на переговорах с тогдашним президентом Пакистана Мушаррафом.

В «Джандаллах» входят преимущественно белуджи (населяющие территории Пакистана, Афганистана и Ирана). Численность «Джандаллах» несколько сотен человек. Базы группировки находятся в провинции Белуджистан на западе Пакистана, а деятельность ведется в основном в Иране. В ходе рейдов на территорию Ирана боевики группировки совершили несколько терактов, а также захватили иранских солдат и пограничников,

⁵ Приоритет принадлежит, насколько можно судить, американскому политологу российского происхождения Н. Злобину.

видеозаписи с которыми демонстрировались в эфире ABC. Руководитель группы сражался вместе с боевиками движения «Талибан» и «Аль-Каиды», обвинялся в наркоторговле.

При этом источники телеканала ABC оказались столь надежными, что официальные американские лица не смогли даже формально опровергнуть его сообщение.

Ряд американских экспертов сделали тогда вывод о том, что «Чейни купил „Аль-Каиду“». Однако российские и некоторые европейские эксперты⁶ указали на принципиальную ненужность «покупки» этой террористической структуры. Ведь она изначально создавалась ЦРУ как база данных исламских террористов (один из переводов слова «Аль-Каида» – «база») для проведения спецопераций сначала против советских войск в Афганистане, а затем и по всему миру. Американцам было достаточно просто активизировать старые связи.

Разумеется, публичный скандал вынудил Чейни и его подчиненных приостановить сотрудничество с группировками, входящими в «Аль-Каиду», однако, когда шум стих, сотрудничество, насколько можно судить, было возобновлено и оказалось успешным. *В частности, в 2008 году было зафиксированное хотя и временное (возможно, в связи с поражением республиканцев на президентских выборах), но очевидное перемещение активности «Аль-Каиды» из Ирака в Иран и Пакистан: террористические акты против американских солдат и сотрудничающих с ними иракцев на время ослабли, а нападения в Иране и Пакистане (в том числе на работающих там китайцев, присутствие которых рассматривается США как угроза своим интересам) усилились.*

Для традиционного государства столкновение с гражданским обществом – и особенно глобальным, не структурированным законами этого государства – приобретает характер **комплексного, многоуровневого взаимодействия с сетевыми структурами**, сплетение которых и составляет это гражданское общество. Острота современного противоречия между развитыми странами Запада и неразвитой половиной (а то и двумя третями человечества), равно как и между глобальными и национальными управляющими системами, последние из которых ограничены как территориальными рамками, так и формализованными правилами, делает **неизбежной войну традиционных государств с указанными сетевыми структурами.**

Такие войны **по самой своей природе объективно требуют непубличных, не подлежащих огласке действий** – от тайных переговоров до тайных убийств. *(Классический пример – истребление вьетнамских руководителей и активистов, осуществлявшееся США во время вьетнамской войны в рамках операции «Феникс». Вьетнамские военные оценивали ее эффективность исключительно высоко.)*

Позорный провал нападения Израиля на юг Ливана летом 2006 года *(разгромить «Хизбаллах» не удалось, а успешное сопротивление качественно повысило его влияние в Ливане)* юридически доказал, что традиционное демократическое правительство, работающее чуть ли не «под телекамеру», не может осуществлять подобные действия просто технологи – чesки.

Таким образом, **сетевые войны объективно требуют ограничения демократии в виде ее формальных, созданных Западом институтов.**

Однако подобное ограничение возможно лишь при условии высокой идеологизации элиты, так как иначе ограничение демократических инструментов неизбежно ведет к коррупции и разложению всей системы общественного управления.

А ведь современная западная демократия не терпит идеологизации и последовательно и целенаправленно уничтожает ее, выбивая тем самым опору из-под своих собственных ног!

Таким образом, помимо того, что **глобальные управляющие сети отрицают и разрушают демократию самим своим существованием**, они становятся неприемлемой поме-

⁶ Первым был, насколько можно судить, российский криминолог В. С. Овчинский.

хой даже традиционному государству, которое в послевоенный период превратилось в ее несущую конструкцию.

2.3.4. Техногенные контуры пост демократии: «Железная пята»?

В развитых странах демократические инструменты в настоящее время способствуют достижению не экономического прогресса, но личного комфорта граждан. Пока прогресс служит инструментом достижения комфорта, он осуществляется, но по достижении высокого уровня комфорта общество начинает его тормозить, так как коллективные усилия по продолжению прогресса начинают мешать индивидуальному удовольствию от наслаждения комфортом.

Кроме того, **нормальный человек всегда предпочтет сегодняшнее потребление послезавтрашнему – и поэтому откажет в выделении средств на осуществление прорывных исследований**, которые принесут неизвестно какой результат неизвестно когда, а главное, могут и не принести никакого практического результата вовсе.

Принципиальная **нерыночность технологического прогресса** (точнее, его ключевой части – создания принципиально новых технологических принципов) **делает его совместимым с демократией лишь при наличии колоссальных внешних угроз**, мобилизующих общество страхом смерти.

После поражения Советского Союза в «холодной войне» и его уничтожения таких угроз больше нет. *Попытки превратить в них страх смерти от болезней провалились из-за их неопределенности и отложенности во времени, международный терроризм – из-за того, что «террористы, как блохи, у всех свои», постсоветскую Россию – из-за ее очевидной слабости.* Климатическая конференция в Копенгагене в декабре 2009 года знаменовала собой завершение провала попытки сформировать новую глобальную идеологию, позволяющую преодолеть противоречивость демократии и технологического прогресса на основе борьбы с глобальным изменением климата.

В отсутствие этой идеологии демократические институты будут блокировать прогресс массовым предпочтением текущего потребления будущему. *Мы видим это уже сегодня в развитых экономиках Европы (в частности, в кризисах мотивации, социальной и пенсионной систем) с той же неотвратимостью, что четверть века назад видели в экономике собственной страны.*

С другой стороны, пример по-прежнему наиболее передовой страны современности – США – показывает: **даже попытка поддержания экономического и технологического прогресса приобретает вид частичного и непоследовательного, но все же ограничения демократии** – в части ограничения свободы СМИ (в том числе самоцензурой) и существенного искажения избирательных процедур.

Причина в том, что демократия в ее западном понимании нежизнеспособна сама по себе, без внешних для нее источников мотиваций – таких, например, как угроза уничтожения в войне с Советским Союзом. Собственно демократические институты, «оставленные в покое», обречены на погружение в «потреблятельство» из-за обуславливаемого ими приоритета краткосрочных индивидуальных интересов над долгосрочными коллективными.

Переставшие соответствовать условиям, сложившимся после «холодной войны», традиционные демократические институты начинают изживаться и преобразовываться наиболее развитым и находящимся поэтому на острие переживаемых человечеством изменений американским обществом. Подобно тому, как неразвитые общества не доросли до стандартных демократических институтов, **американское общество, как наиболее развитое, на наших глазах перерастает их, постепенно превращаясь в постдемократию.**

*Об этой системе принято говорить в терминах тотального прямого насилия в стиле «Железной пяты» Джека Лондона или изощренного контроля сознания, описанного Оруэллом и Замятиным. Однако эти и другие мыслители исходили из реалий современных им обществ и технологий, линейно экстраполируя в отдаленное будущее непосредственно наблюдаемые ими тенденции. Сегодняшние и завтрашние, неведомые им технологии, и в первую очередь технологии формирования сознания, существенно изменят механизмы реализации описанных ими принципов, а значит, и облик наших обществ. Реальность, скорее всего, будет более изощренной и менее откровенной, однако суть дела от этого принципиально не меняется: **постдемократия передает власть в руки глобальных управляющих сетей, преследующих собственные частные интересы и в совокупности образующих глобальный управляющий класс, криминальный по отношению ко всему остальному миру по определению.***

Глава 3

Конец глобальных монополий

Итак, информационные технологии, делая управленческую эффективность несовместимой с демократическими ценностями и мотивациями в их традиционном западном понимании, разрушают построенную на основе этого понимания демократию. Она просто перестает соответствовать потребностям человеческого, и в первую очередь технологического, развития.

Рассмотрение в нижеследующей главе современной глобальной экономической системы отражает – помимо вопросов, связанных с внутренней логикой ее развития и трансформации – и иные, собственно экономические причины разрушения традиционной западной демократии.

3.1. Глобальный кризис перепроизводства: полтора десятилетия, выигранные у небытия для спекуляций

Глубина мирового финансового кризиса недооценивается из-за игнорирования его **фундаментальной причины – исчерпанности модели глобального развития, созданной в результате уничтожения Советского Союза**. После победы над нами в «холодной войне» Запад эгоистично перекроил мир в интересах своих глобальных корпораций, лишив (для недопущения конкуренции с этими корпорациями) свыше половины человечества возможности нормального развития.

Пример 6

Утрата возможности развития: государства ни при чем

При всей несимпатичности политики развитых государств современного Запада на них не лежит ответственности за лишения неразвитой части человечества. Ведь после распада Советского Союза они сами находились в перманентном кризисе идентичности (из которого не вышли и по сей день), не находя ответа на вопрос «Кто мы есть и зачем, если больше нет советской военной угрозы?» Реальную политику Запада в то время в основном определяли транс – национальные корпорации. Освободившись от оков государства, они наперегонки бросились осваивать казавшиеся тогда безграничными рынки сбыта и ресурсы постсоциалистического пространства.

Конечно, главная цель бизнеса заключается в максимизации прибыли (а не, например, в социальной ответственности), – это теоретическое положение верно. Однако на деле основная часть не теоретиков, но практиков (в том числе бизнесменов) четко сознает, что простейшим и наиболее естественным для участников рынка способом достижения этой цели является злоупотребление монопольным положением. Поэтому нормальный бизнесмен на деле всегда стремится (если у него есть такая возможность) не к развитию конкуренции, но, напротив, к всемерному ограничению конкуренции с собой.

В рамках этой фундаментальной закономерности транснациональные корпорации осуществили на осваиваемой ими постсоциалистической территории почти тотальную «зачистку» всего, что теоретически могло составить им конкуренцию. В результате, за исключением Китая, возможность конкуренции с ними на уровне отдельных производств была успешно устранена, а вместе с ней была устранена и возможность развития как таковая.

По своим масштабам, глубине и разрушительности преобразований для осваиваемых обществ, но главное – по своему значению для развитых стран **освоение постсоциалистического пространства можно сравнить лишь со второй Конкистой.**

Первая за счет разграбления цивилизация Центральной и Латинской Америки обеспечила ресурсами формирование в развитых странах Запада (которые, собственно говоря, и стали развитыми прежде всего благодаря этому разграблению) классического капиталистического общества на базе индустриальных технологий.

Вторая Конкиста, развернувшаяся в конце 80-х годов, за счет не менее беспощадного разграбления постсоциалистического и основной части неразвитого мира⁷ технологически, интеллектуально и финансово обеспечила глобализацию, в том числе **перерастание развитых стран в качественно новое состояние глобального общества** на основе форсированного развития уже не индустриальных, но информационных технологий.

Беспощадная и тотальная эксплуатация дополнялась беспощадным и тотальным же навязыванием (при помощи глобальной рекламы) этой же ограбляемой части человечества представлений о нормальности и, более того, необходимости даже не повседневных, а высочайших стандартов западного потребления⁸.

Растущее понимание представителями неразвитого мира (в том числе бывших социалистических стран) принципиальной невозможности достижения этих стандартов их обществами породило феномен национального предательства либеральных реформаторов.

⁷ Неразвитый мир больше не был защищен биполярным противостоянием: после того как развитые страны Запада победили своего врага – Советский Союз, чрезмерно эксплуатируемой части неразвитых стран не у кого было находить защиты и нечем было грозить, защищаясь от чрезмерного давления.

⁸ Разумеется, никакого особо циничного умысла в этом не было – глобальные корпорации стремились всемерно расширить сбыт своей продукции при помощи интенсивной рекламы. «Ничего личного, только бизнес».

Осознавая невозможность развития своих обществ в рамках сложившихся «правил игры», они оставляли попытки обеспечить приемлемый уровень потребления своим народам и сосредотачивали свои усилия на обеспечении личного уровня потребления, соответствующего стандартам глобальной рекламы, за счет принятия ценностей и морали «глобальных кочевников» и попыток любой ценой войти в их число.

В глобальном плане проявление и обострение этого противоречия к концу 90-х годов многократно усугубили глобальную напряженность, терроризм и буквально смывающую современную западную цивилизацию миграцию.

Однако развитые общества ощутили разрушительные последствия эгоизма глобальных корпораций намного быстрее.

Лишение огромной части человечества возможностей развития ограничило сбыт самих развитых стран, создав **кризис перепроизводства** – правда, в первую очередь не традиционной продукции, а преимущественно продукции информационных и управленческих технологий, *high-hume*"а, а не *high-tech*"а.

Дополнительным фактором, усиливающим этот кризис, стало относительное сжатие спроса уже не в неразвитых, а в самих развитых странах. Это происходило за счет обнищания их собственного «среднего класса» под влиянием распространения информационных технологий (во многом также вызванного уничтожением «социалистического лагеря», давшим необходимые для этого распространения ресурсы).

Автоматической реакцией глобальных корпораций на эту первую волну глобального кризиса перепроизводства стало «накачивание» недостающего спроса за счет кредита. При этом непосредственным кредитованием потребителей занимались, разумеется, не сами глобальные корпорации, но правительства стран их базирования и международные финансовые организации, представлявшие собой продолжения этих правительств. *(Классическим примером служит МВФ, решения которого принимались и принимаются в Федеральном казначействе США так же, как решения НАТО – в Пентагоне.)*

Пример 7 Кредо либералов

Конечно, привлечение правительственных кредитов, да еще и все более рискованных, на помощь корпорациям противоречит либеральной идеологии, но лишь в ее донельзя плоском, чисто формальном, окарикатуренном понимании. Ведь на самом деле либерализм в его современном, ставшем благодаря постоянству массового применения уже классическом виде⁹ исповедует отнюдь не минимизацию государственного вмешательства в экономику. Современный либерализм представляет собой квинтэссенцию интересов крупного бизнеса, и в первую очередь глобальных корпораций; его конечная цель – максимизация их выгод.

Поэтому, когда речь заходит о возможности улучшения их положения за счет не самоустранения, но расширения вмешательства государства, хотя бы при помощи только что упомянутого кредитования потребителей, даже у самых правозащитных и фундаменталистски ориентированных либералов не возникает никаких внутренних ограничений. Более того, перед их энтузиазмом в отношении увеличения роли государства, как правило, бледнеет даже позиция наиболее интервенционистски ориентированных дирижистов.

Обособление глобальных корпораций от государств, насколько можно судить, окончательно произошло именно в ходе реализации этой стратегии кредитования потребителей, в первой половине, а главным образом – в середине 90-х годов прошлого века. Причина этого обособления была вполне прозаичной: корпорации не хотели нести даже косвенную ответственность за чрезмерно рискованные кредиты, пусть даже и выданные в их интересах, и солидаризоваться с теми, кто это кредиты выдавал, пусть и под их давлением.

Инстинктивно нащупанное в качестве выхода из первого витка глобального кризиса перепроизводства **стимулирование сбыта кредитованием неразвитого мира вызвало в 1997–1999 годах кризис долгов, бумерангом ударивший по США в 2000–2001 годах. Именно тогда вслед за болезненной (более чем на четверть) корректировкой американского фондового рынка и крахом «новой экономики» в апреле 2000 года наступила рецессия¹⁰, преодоленная лишь благодаря общественной и хозяйственной реакции на 11 сентября 2001 года.**

Это позволяет говорить о необычной рецессии или «рецессии не в строгом смысле этого слова», так как, «если что-то похоже на утку, крикает, как утка, ходит, как утка, и летает, как утка, – это „что-то“, скорее всего, уткой и является».

США выгнали себя (и мировую экономику, стержнем которой они и по сей день являются) из начинавшейся депрессии при помощи реализации двух ключевых стратегий.

Первая заключается в **«экспорте нестабильности»**. *Непосредственно эта стратегия ориентирована на подрыв конкурентов (или их уязвимой периферии), вынуждающий их капиталы и интеллект (а также капиталы и интеллект неразвитых стран, до начала соответствующего кризиса намеревавшиеся бежать к ним) бежать в «тихую гавань» – США.*

Однако главное в этой стратегии заключается в том, что **рост нестабильности оправдывает рост военных расходов в самих США, взамен рынка стимулирующих эконо-**

⁹ В понимании, характерном для европейских и российского обществ; в США под либералами понимают приверженцев социальной ответственности и свободы, что в нашей системе ближе всего к социал-демократии.

¹⁰ Определяющим признаком рецессии является отсутствие экономического роста в течение полугода подряд. Оно было зафиксировано оперативной статистикой, однако уточненные данные, полученные в ходе регулярного, технологически необходимого пересчета, засвидетельствовали о более благоприятной ситуации. Таким образом, официально рецессии в 2001 году не было, однако общие ощущения, а также поведение государства и бизнеса в то время были характерны именно для нее.

мику и технологии («военное кейнсианство», эффективно применявшееся Рейганом). Реализованная в 1999 году в Югославии против еврозоны, а затем в 2001 году как минимум в Афганистане, эта стратегия исчерпала себя уже в 2003 году в Ираке. *Сейчас США дестабилизируют Пакистан, нанося удар по Ирану, рядом с которым возникает новая «зона хаоса», и, главным образом, по Китаю, который лишается своего влияния в Пакистане, строящегося крупнейшего нефтяного порта Гвадар (а с ним и критически значимых поставок иранской нефти) и, вероятно, военной базы. События в Пакистане свидетельствуют о вырождении стратегии «экспорта нестабильности» в контрпродуктивный для экономического развития США «экспорт хаоса»: США даже не пытаются контролировать дестабилизируемые ими территории, став катализатором глобального военно-политического кризиса и создавая реальную угрозу ядерной войны Пакистана с Индией, а Израиля – с Ираном.*

Пример 8

Предел осмысленности: объективное ограничение развития человечества

Есть некая жестокая ирония в том, что стратегия «экспорта нестабильности» утратила свою эффективность именно тогда, когда, по всей вероятности, впервые была применена вполне осознанно и осмысленно, – в 2003 году, в ходе агрессии США и их партнеров против Ирака.

Вероятно, это проявление общего правила, по которому успешная реализация стратегии развития человеческого общества может быть лишь преимущественно бессознательной. Как только общественные системы управления начинают отдавать себе полный отчет в значении и направленности своих действий, эффективность их действий волшебным образом оказывается подорванной. *Происходит нечто напоминающее «эффект наблюдателя» в квантовой физике: подобно тому, как наблюдатель меняет развитие процесса, которому он оказывается свидетелем, так и осмысление управляющего процесса (по крайней мере изнутри его самого) резко снижает его качество.*

Возможно, причина заключается в том, что сам процесс индивидуального осмысления порождает внутри управляющей системы такое множество неконтролируемых и, более того, не представимых никем обратных связей, что она просто перестает различать действительную реальность и рефлексию своих элементов по ее поводу. *В результате она уподобляется сороконожке, запутавшейся в своих ногах, – опять-таки в результате попытки осмысления своей деятельности.*

Общее правило можно сформулировать следующим образом: **коллективное осознание процессов и закономерностей общественного развития, если оно достигнуто управляющей системой, не должно дополняться внутри нее индивидуальным их осмыслением**, ибо такое осмысление лишь запутывает управляющую систему, обременяет ее деятельность и, в конечном счете, парализует.

Строго говоря, данное правило оказывается еще одним обоснованием тезиса о снижении социальной значимости знания – по крайней мере в области общественного развития – и служит подлинным приговором общественным наукам.

Оно представляет собой проявление некоторых объективных, «природных», глубоких внутренних ограничений не только управляющих систем как таковых, но всего человечества, с одной стороны, и развития отдельно взятого индивидуума – с другой.

Человечество и человек, таким образом, достигли по крайней мере в одном направлении предела своего развития; по общему правилу, это означает близость перехода их в некое новое качество.

Второй стратегией поддержки экономики США была «накачка» рынка безвозвратных ипотечных кредитов. Созданный ею финансовый пузырь начал «ползти по швам» еще летом 2006 года, но разнообразие, многоуровневость и гибкость финансовой инфраструктуры США привели не к мгновенному краху, но к длительной агонии, перешедшей в открытую форму только в сентябре 2008 года.

Таким образом, обе стратегии поддержания мировой экономики, позволившие временно «заморозить» глобальный кризис перепроизводства на протяжении большей части 2000-х годов, полностью исчерпали свой ресурс.

При этом, как обычно бывает, оттягивание открытой фазы кризиса лишь усугубляет ее разрушительность.

Сегодня **развитые страны пытаются уже не повысить свою конкурентоспособность, но просто запихнуть мир обратно в уже уходящие навсегда 90-е и 2000-е годы, когда под видом разговоров о глобализации сложился, по сути дела, новый колониализм.**

Органическая неспособность США поступиться даже малой частью текущих интересов ради урегулирования своих же собственных стратегических проблем, их поистине убийственный эгоизм делает невозможным осмысленное изменение глобальной финансовой архитектуры. *Это естественно: они являются главным выгодоприобретателем изжившего себя мирового финансового порядка, и любое его изменение будет означать нанесение им конкретного (и весьма значительного) материального ущерба. Соответственно, любому американскому президенту (или иному руководителю), давшему свое согласие на причинение его стране этого ущерба, можно будет просто не возвращаться на территорию США с соответствующих переговоров: если он и не будет растерзан толпой разъяренных граждан, его культурно и при всеобщем одобрении пристрелит очередной «одиночка».*

В менее категоричной форме это относится и ко всем без исключения остальным, второстепенным бенефициарам мирового финансового порядка, то есть ко всем развитым в настоящее время странам.

Невозможность сознательной трансформации мировой финансовой архитектуры не только делает глобальное развитие стихийным и, соответственно, сопровождающимся неоправданными диспропорциями и разрушениями. Кладя конец американскому интеллектуальному лидерству (ибо первенство интеллекта оказывается обесценено тупиковой системой интересов), эта невозможность буквально выталкивает на авансцену мирового развития новых ключевых участников – не только Евросоюз¹¹, но и Китай и, если у нашего руководства хватит интеллекта, Россию, кладя тем самым конец *Pax Americana*.

Конечно, Евросоюз как развитый субъект глобальной экономики является выгодополучателем современного мирового финансового порядка, и это, как и в случае США, ограничивает его возможности по сознательному изменению этого порядка. Однако он может рассчитывать с лихвой компенсировать свои потери от его изменения за счет существенного ослабления американских позиций, и эти надежды могут возвращать ему активную творческую позицию.

¹¹ Символом его потенциала стала миротворческая миссия Саркози в ходе юго-осетинской войны, хотя ее значение и было безудержно преувеличено. Вне зависимости от отношения наблюдателей к попытке геноцида, выразившейся в расстреле мирного города «Градами» и убийствах миротворцев, осуществленной «молодой грузинской национальной демократией» как минимум при политической и информационной поддержке США, достижение мира было не просто связано с усилиями Евросоюза. Впервые за всю послевоенную историю потенциально значимый в глобальном масштабе (и безусловно значимый для самих США) военный конфликт был урегулирован безо всякого их участия!

Пример 9

Необходимые изменения глобальной финансовой архитектуры

Объективная необходимость создания качественно новой глобальной финансовой системы никем не оспаривается уже более десяти лет. При этом наиболее насущные изменения были сформулированы еще в ходе кризиса 1997–1999 годов, когда их необходимость была осознана в полной мере. На протяжении последующего времени они всесторонне обсуждались и отшлифовывались не только в принципиальном плане, но и с точки зрения технологической и управленческой осуществимости. *Они блокируются исключительно своей несовместимостью с текущими интересами США, но их постоянное выдвигание, в том числе и на высоком уровне, свидетельствует об объективной потребности в них.*

Наиболее значимыми среди этих изменений представляются следующие:

Обеспечение прозрачности движения спекулятивных капиталов (в перспективе – и всей деятельности глобальных корпораций с созданием глобального наблюдательного, а затем и регулирующего органа).

Превращение налога на вывод из страны спекулятивного капитала из экстремальной меры в нормальный, признанный мировым сообществом инструмент экономического регулирования, применяемый национальными правительствами при определенных, заранее известных условиях. *Не стоит забывать, что в кризисе 1997–1999 годов именно применение подобного налога спасло экономики Чили и Малайзии – с формальной точки зрения наиболее либеральной и наиболее авторитарной из неразвитых экономик того времени при том, что остальные экономики пали жертвами кризиса и прошли через разрушительные девальвации.*

Приведение влияния различных стран на политику глобальных финансовых институтов (в первую очередь МВФ и Мирового банка) в соответствие их удельному весу в мировой экономике (что на практике означает прежде всего снижение влияния на их деятельность США и рост влияния Китая).

Обеспечение прозрачности работы МВФ и Мирового банка, других международных финансовых организаций вплоть до открытой публикации и обсуждения их методических материалов (в том числе находящихся на стадии разработки).

Превращение объединения крупнейших мировых экономик (прообразы – «большая восьмерка» и «большая двадцатка») в орган глобального регулирования, что требует выработки процедуры принятия решений, строго обязательных хотя бы для их членов.

Замена неадекватной современным условиям «большой двадцатки» (созданной в 1999 году как объединения должников и кредиторов тогдашнего кризиса и уже поэтому не отражающей современных реалий) объединением крупнейших экономик, отобранных по формальным объективизированным признакам. *Так, включение в него всех стран мира, ВВП которых не ниже минимального в нынешней «большой восьмерке» ВВП Канады, означает превращение G8 в G11 за счет принятия в нее Китая, Бразилии и Испании. При целесообразном из-за глобального экономического кризиса снижении порогового уровня ВВП по состоянию на 2009 год вдвое – с 1,3 до 0,65 трлн долл. – G8 превращается в G14 за счет Индии, Австралии, Мексики, Южной Кореи и Нидерландов; еще большее снижение порогового уровня до 0,5 трлн долл. – позволяет говорить о G16 с участием Турции и Индонезии. Насколько можно понять, к настоящему времени интеграция человечества вновь, как в начале XX века, превысила возможности его управляющих систем, и теперь челове-*

ство вынуждено уменьшить ее глубину, отступая назад и частично восстанавливая управляемость за счет примитивизации процессов развития.

На практике это обернется **переходом от глобализации к регионализации**: резким ускорением идущего уже длительное время формирования укрупненных макрорегионов, ведущих между собой жесткую культурную, политическую, хозяйственную и технологическую конкуренцию.

В частности, можно предположить, что равновесие будет временно достигнуто восстановлением биполярной системы (с противостоянием США и Китая при Евросоюзе, Японии, Индии и, возможно, России в качестве совокупного балансира – специфичного аналога Движения неприсоединения) в политике и поливалютной – в экономике. Каждая валютная зона будет иметь свою резервную валюту (помимо доллара и евро, таковой точно станет юань), и они будут жестко конкурировать друг с другом.

Однако фундаментальная проблема современного развития заключается не в эгоизме США, не в нехватке ликвидности, не в кризисе плохих долгов и даже не в системной утрате собственниками контроля за собственными топ-менеджерами, но **в отсутствии источника экономического роста США**, а с ними – и всей мировой экономики. Даже оздоровление финансов США не смягчит кризис перепроизводства продукции глобальных монополий и не создаст новый экономический двигатель взамен разрушившихся. Это означает, что **из сегодняшнего кризиса мировая экономика выйдет не в восстановление, но в депрессию, длительную и достаточно тяжелую.**

Эта депрессия будет существенно усугублена резким изменением взаимодействия человечества с окружающей природной средой, выражающейся в кардинальном увеличении общесистемных рисков.

3.2. Закон сохранения рисков: развод с человечеством

Безумный, вышедший из-под всякого контроля рост американских производных ценных бумаг, раздача заведомо безвозвратных ипотечных кредитов и многоуровневая «перепакровка рисков», ставшие непосредственными причинами глобального финансового кризиса, производят на неподготовленного наблюдателя шоковое впечатление.

В самом деле, трудно себе представить, почему инвестиционные банкиры не только США, но и большинства развитых стран – здоровые, вполне рациональные, высоко профессиональные и хорошо образованные люди – в принципе не могли оценить риски приобретаемых ими финансовых продуктов и даже не понимали, чьи конкретно обязательства и в какой степени в них входят.

Стандартные объяснения, помимо естественной для спекулянта (пусть даже и финансового) алчности, указывают на объективную потребность американской экономики в накоплении спекулятивного «финансового пузыря» для стимулирования продолжения ее роста. Кроме того, понятно, что увеличение объема ипотеки (в том числе и даже в особенности безвозвратной) представляло собой замаскированный (так как американская идеология плохо воспринимает саму идею социальной помощи) способ обеспечения социальной помощи, необходимой в условиях стремительного размывания (а говоря проще, разорения) американского «среднего класса».

Эти объяснения правильны, но они носят макроэкономический характер, объясняя общественную потребность в этих вопиющих безобразиях.

Между тем, помимо общественной потребности, существовала еще и потребность инвесторов, – и вот эту причину кризиса, лежащую на микроуровне, на уровне отдельных субъектов экономики, наблюдатели предпочитают тактично не замечать.

А ведь многоуровневая «перепакровка рисков», приведшая к полной утрате регулируемыми органами (не говоря уже о субъектах рынка) всякого контроля за обращающимися на рынках обязательствами, выполняла важнейшую экономическую функцию – страхование рисков инвесторов.

И на этом пути были достигнуты выдающиеся успехи: благодаря многоуровневой системе деривативов риски инвестора, вкладывающего свои средства в первоклассные облигации американской корпорации, были на порядок – примерно в десять раз! – ниже рисков самой этой корпорации.

Это позволяло получать практически гарантированную доходность, и выполнение указанной инвестиционно необходимой функции обеспечило (наряду с макроэкономической функцией) бурное развитие деривативов и, соответственно, раздувание спекулятивного «финансового пузыря».

США – а с ними и весь мир, так как их экономика является основой мировой, – столкнулись с действием **закона сохранения рисков**, по которому **общая величина рисков в большой системе примерно постоянна**. В результате **снижение индивидуальных рисков** значимого числа элементов этой системы **неминуемо ведет** к перекладыванию этих рисков на более высокий уровень – и, соответственно, **к нарастанию общесистемных рисков**. *В частности, сведение индивидуальных рисков к минимуму увеличивает общесистемные риски настолько, что это, как правило, обеспечивает разрушение системы.*

Именно это произошло в американской финансовой системе, – но ведь это же происходит и с человечеством в целом!

Так, постепенное улучшение системы здравоохранения, позволяя не просто выживать, но и жить все более полноценной жизнью даже самым больным людям, ухудшает тем самым

генофонд человечества, существенно повышая системные, общечеловеческие риски за счет соответствующего снижения индивидуальных, личностных рисков.

Ухудшение генофонда проявляется, в частности, в распространении новых болезней, не поддающихся не только лечению, но порой и диагностированию; их список, помимо гепатитов С и D, а также знаменитого СПИДа, не так давно пополнил «птичий грипп», обладающий весьма подозрительной расовой избирательностью.

Пример 10

Рост онкологических заболеваний как проявление закона сохранения рисков

Весьма значимым с этой точки зрения представляется и рост смертности от онкологических заболеваний.

По данным исследователей из Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), уже в 2010 году основной причиной смерти людей станет рак, а к 2030 году число смертей от него может вырасти более чем вдвое. Специалисты ВОЗ считают, что к 2030 году ежегодное число случаев заболеваемости раком вырастет с нынешних 12 до 27 млн, а количество смертей от онкологических заболеваний – с 7 до 17 млн. Ежегодный прирост заболеваний и смертности от рака составит 1 %, а в Китае, России и Индии данный показатель будет расти ускоренными темпами.

Основной непосредственной причиной столь пугающей динамики считается увеличение количества курящих людей в развивающихся странах, особенно в Китае и Индии, где живет 40 % всех курильщиков мира. Рак является одной из главных проблем развивающихся стран в области здравоохранения: в бедных обществах он убивает больше людей, чем ВИЧ, малярия и туберкулез.

Конечно, отчасти причиной роста заболеваемости раком является удлинение человеческой жизни в результате общего повышения ее качества.

Ведь еще в начале XX века главными причинами смерти были травмы и инфекционные заболевания, в том числе эпидемии и туберкулез, от которого умирал, в частности, каждый третий житель Петербурга. Когда эти причины смерти были побеждены здравоохранением – дизентерию, холеру и тиф стали достаточно эффективно лечить, от туберкулеза прививать еще в роддоме, об оспе и чуме стали вообще забывать, – на первое место выдвинулись причины смерти, являющиеся как бы «естественными»: атеросклероз сосудов и злокачественные новообразования.

Многие исследователи даже считают, что эти два недуга просто представляют собой механизм «естественной смерти» для организма всякого млекопитающего – не только человека. Однако в развитых странах разработали методики вмешательства, в том числе и хирургические, позволившие резко продлить жизнь человека, страдающего ишемической болезнью сердца, в результате чего на первое место в развитых странах выходит бывший «убийца номер два» – рак.

Грубо говоря, те, кому было суждено умереть от инфаркта и кто избежал этой участи благодаря медицине, теперь должен «дожить» до своей «второй естественной смерти» – от рака. То есть выход онкологических заболеваний на первое место среди убийц человечества вызван удлинением средней продолжительности жизни.

Однако нет сомнений, что данная система аргументов касается лишь развитых стран с их высокоэффективной медициной и системой профилактики, действительно способной позволять человеку избегать смерти от атеросклероза сосудов и с большей степенью вероятности «доживать» до рака. Между тем, по крайней мере в Индии и Китае (да и в России тоже) говорить о подобных массовых достижениях здравоохранения пока еще рано, а значит, данная гипотеза не объясняет основную часть прироста смертей от онкологических заболеваний, то есть является по своему значению второстепенной.

Другим фактором проявления «закона сохранения рисков» в общепланетарном масштабе представляется изменение климата.

Сейчас уже ясно, что картина значительно сложнее вульгарного «глобального потепления», которым нас привыкли пугать: на самом деле происходит именно изменение климата, различное в различных регионах планеты: мягкий климат становится мягче, континентальный – континентальнее, и эта картина дополняется спорадическими аномалиями вроде сильных холодов в традиционно теплых районах.

Обеспечивая индивидуальный комфорт своих членов, человечество, вероятно, нарастило производство энергии до такого уровня, когда оно нарушило климатический баланс планеты и создало качественно новые глобальные риски, масштабы которых в настоящее время не поддаются оценке доступными нам средствами.

На наших глазах развитие человечества отягощается целым рядом негативных явлений:

Рост количества и разрушительности стихийных бедствий и климатических аномалий, опережающий рост сложности технологической организации человечества.

Увеличение числа не поддающихся лечению или слабо диагностируемых заболеваний.

Ухудшение психологического состояния значимых масс людей.

Наглядное и повсеместное падение качества управления.

Рост числа разнообразных вооруженных конфликтов.

Каждое из них по отдельности имеет свое собственное, отличное от других, связанное исключительно с соответствующей сферой человеческой деятельности и при этом вполне рациональное объяснение.

Однако в целом они складываются в картину системного нарастания неблагополучия, свидетельствующую об исчерпании традиционной модели взаимодействия человечества с планетарным природным комплексом, частью которого оно является. **Исчерпание потенциала старой модели означает начало перехода к какой-то новой модели такого взаимодействия**, которая еще непонятна для нас, но может потребовать существенных изменений привычного нам образа жизни.

Нельзя исключать и **опасности деструкции не способного справиться с нарастанием своих системных рисков человечества**, то есть **значимого упрощения его внутренней организации, десоциализации уже на планетарном уровне**, а не только в рамках отдельных обществ.

3.3. Глобальные монополии и демократия: конец технологического прогресса

Фундаментальная причина новой мировой депрессии, первопричина кризиса перепроизводства – глобальное загнивание глобальных же монополий.

Их монополизм усугубляется изменением характера самого технологического прогресса – распространением высокопроизводительных «метатехнологий», использующий которые субъект рынка лишается самим фактом использования возможности конкуренции с их разработчиком. *(Такие «метатехнологии» играют роль специфической рыночной инфраструктуры; рост значения инфраструктурного фактора естественным образом сокращает относительную значимость пространства конкуренции.)*

Развитие и усложнение технологий ведет к тому, что **деньги теряют значение**. Символом успеха и инструментом его достижения все в меньшей степени становятся легко отчуждаемые деньги. Все в большей мере роль таких символа и инструмента выполняют сливающиеся со своими разработчиком и пользователем, все менее отчуждаемые от них технологии, причем значимость социальных технологий, связанных с управлением и особенно формированием сознания, возрастает неуклонно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.